

TARTARIA MAGNA

STUDIA TURKICA MONGOLICA TIBETICA MANCHURICA SIBIRICA RUSSICA ET CETERA

2/2013

Гуманитарная картография

КОНСТРУИРУЯ КАРТУ
ТРАНСПОРТНОГО СООБЩЕНИЯ
«САЯНСКОГО ПЕРЕКРЕСТКА»

СУФИЗМ, ПАНИСЛАМИЗМ
И ИНФОРМАЦИОННАЯ ПАНИКА:
Нил Сергеевич Лыкошин и последствия
Андижанского восстания

TARTARIA MAGNA

2013–2014
Гуманитарная
картография

Studia Turcica Mongolica Tibetica Manchurica Sibirica Russica et cetera

Александр
Моррисон

СУФИЗМ,
ПАНИСЛАМИЗМ
И ИНФОРМАЦИОННАЯ
ПАНИКА

НИЛ СЕРГЕЕВИЧ
ЛЫКОШИН И
ПОСЛЕДСТВИЯ
АНДИЖАНСКОГО
ВОССТАНИЯ

Перевод
с английского
Ольги Берард

**SUFISM, PAN-ISLAMISM
AND INFORMATION PANIC:
NIL SERGEEVICH LYKOSHIN
AND THE AFTERMATH
OF THE ANDIJAN UPRISING**

This article explores a hitherto unknown incident in the region between Aulie-Ata and Chimkent in the eighteen months following the Andijan Uprising against Russian rule in Central Asia in 1898. The late Tsarist Orientalist-Administrator Nil Sergeevich Lykoshin found himself called upon to uproot an imaginary conspiracy, and the investigation he led proved highly revealing of the relationship between local society in Turkestan and the Russian colonial administration. The article uses this episode to explore late Russian imperial attitudes to Islam, demonstrating that despite his unusual knowledge of Central Asian culture and society, Lykoshin's attitudes were in many ways highly typical of Russian officialdom in this period.

[†] Исследование, результатом которого стала данная статья, было профинансировано Колледжем *Warden and Fellows of All Souls* Оксфордского университета и Британской академией. Я благодарю Сергея Абашина, Бахтияра Бабаджанова, Ульриха Хофмейстера, Кимуру Сатору, Мира Ахмеда Мирхалдарова, Беатриче Пенати, Оксану Пуговкину, Бенедетту Росси, Паоло Сартори, Симаду Сидзуо, Сиюю Акифуми, Уяму Томохико и Тома Велсфорда за помощь, советы и предложения. Мне также хотелось бы поблагодарить Ляззат Сулеймановну Актаеву и Николая Петровича Кропивницкого из Центрального архива Республики Казахстан за согласие опубликовать копию «Афганского письма».

^{††} Статья впервые была опубликована на английском языке в журнале *Past and Present*, no. 214 (Feb. 2012). P. 255–304. Автор и редакция журнала *Tartaria Magna* благодарят Издательство Оксфордского университета за любезное разрешение опубликовать русский перевод данной статьи.

**СУФИЗМ, ПАНИСЛАМИЗМ
И ИНФОРМАЦИОННАЯ ПАНИКА:
НИЛ СЕРГЕЕВИЧ ЛЫКОШИН
И ПОСЛЕДСТВИЯ АНДИЖАНСКОГО
ВОССТАНИЯ**

Александр
Моррисон

Назарбаев
Университет,
Астана

«Вот почему в вопросах, касающихся “настроения” туземцев, русские власти чувствовали себя довольно беспомощно. Это было основным источником той паники, которая последовала в результате Андижанского восстания. Этим же объясняется и то, что несмотря на абсолютное спокойствие в крае в течение 80–90-х годов вплоть до первой вспышки Андижанского восстания, власти все время не переставали говорить что, мол, хотя и спокойно, но... все может случиться.»¹

¹ П.Г.Галузо, *Вооружение русских переселенцев в Средней Азии (Ташкент, 1926)*, 24.

Убежденный большевик и историк Петр Галузо опубликовал эти строки в 1926 году, через десять лет после того, как царский режим в Средней Азии пошатнулся под ударом массового восстания, спровоцированного набором местных мусульман в трудовые батальоны, и почти через тридцать лет после того, как суфийский духовный лидер Мухаммад Али Сабир, больше известный как Дукчи Ишан, повел две тысячи сторонников на русский гарнизон в Андижане, городе на востоке Ферганской долины на территории современного Узбекистана. Для Галузо эти события взаимосвязаны — не только потому что они представляют собой наиболее существенные попытки вооруженного сопротивления русскому владычеству в Средней Азии до 1917 года, но и тем, как они повлияли на поведение властей. Он полагает, что именно паническая реакция царского режима на Андижанское восстание ускорила раздачу огнестрельного оружия среди небольшой, но растущей группы славянских переселенцев в Туркестане. В свою очередь, это позволило им жестоко отомстить казахам и киргизам Семиречья за смерть около двух с половиной тысяч европейцев во время мятежа 1916 года: тысячи кочевников были перебиты или изгнаны, а их земли конфискованы.²

Галузо одним из первых дал историческую оценку причин, значимости и последствий Андижанского восстания — события, породившего больше споров, чем практически любой другой эпизод пятидесятилетнего российского колониального правления

² Марко Буттино, *Революция наоборот: Средняя Азия между падением царской империи и образованием СССР (Москва, 2008)*, 70–5; Jörn Happel, *Nomadische Lebenswelten und zarische Politik: der Aufstand in Zentralasien, 1916 (Stuttgart, 2010)*, 103–60, 196–203, 246–9.

в Туркестане вплоть до потрясений революционного периода. Его взгляд типичен для ранней советской историографии, критиковавшей царскую колониальную политику как жестокую и эксплуатационную. Позднее он опубликовал другую работу, еще более резко обличающую дореволюционный режим¹. В советскую эпоху русскоязычные историки фактически не пытались установить глубинные мотивы и причины Андижанского восстания, предпочитая толкования в духе преобладающей на тот момент историографической идеологии. До конца 30-х годов советские историки еще могли рассматривать его как «истинно революционное» движение угнетенного рабочего класса Ферганской долины, несмотря на его «религиозную окраску»², но к 1950-м годам его переоценили как «реакционное», и даже появились намеки на вмешательство британских агентов³. Через год после появления книги Галузо Фазылбек Атабек-оглы, сын Андижанского казая (исламского судьи), опубликовал гораздо более глубокий анализ восстания⁴, опираясь на труды самого Мухаммада Али Сабира (дидактический текст «Ибрат аль-Гафилин»)⁵ и его последователей (в частности, «Манакиб-и Дукчи Ишан»⁶, т.е. «Житие Дукчи Ишана и описание чудес, им совершенных»), а также на документы того времени и на свидетельства очевидцев. Эти материалы, наряду с официальными русскими источниками, составляют основание обширной западной и постсоветской историографии события.⁷

Основные факты Андижанского восстания споров, в сущности, не вызывают: оно было кровавым, но коротким. Двадцать два солдата были убиты и двадцать ранены, но когда весть о нем долетела до Ташкента, восстание уже было подавлено.⁸ Спорят в основном о характере и мотивах предводителя и о том, в какой мере он был зачинщиком восстания или номинальным лидером, против собственной воли увлекаемый сообщниками. Мухаммада Али Сабира, уроженца деревни Минг-Тепе в Ферганской долине, неподалеку от Андижана, иногда называли «Дивана» («безумец, или одержимый Богом»), но чаще «Дукчи Ишан». Дукчи значит «мастер по выделке веретен», этим ремеслом занимался его отец; Ишан — более сложный термин: это почетный титул духовных лидеров в Средней Азии. Но если многие ишаны были представителями почитаемых династий духовенства (часто они носили дополнительный титул «ходжа»),⁹ некоторые из них могли быть более скромного происхождения и приобретали влияние благодаря личной харизме или будучи учениками известного духовного учителя.¹⁰ Дукчи Ишан принадлежал ко второй категории: он был учеником влиятельного шейха Накшбандийа-Муджадидйа Ишана Султанхана Тура, чье место он, судя по всему, наследовал по смерти шейха в 1882 г. В 1886 г. он совершил хадж в Мекку и по возвращении основал религиозную общину в своей родной деревне Минг-Тепе, где он про-

славился чудесами и благотворительностью: он кормил сотни приверженцев и получил признание местных («туземных») властей.¹ Несмотря на всю осторожность, с которой необходимо относиться к искусственной границе между «народным» и «официальным» исламом, которая является плодом советской традиции, следует признать, что образованные улемы Туркестана в большинстве своем не одобряли Дукчи Ишана и его последователей — возможно, из-за скромного происхождения первого. Бухарский историк Сами, к примеру, обличал его как шарлатана, спекулирующего на легковерии жителей Ферганы.² В целом, мусульманские интеллектуалы, многие из которых служили при колониальном режиме в качестве казиев или на других должностях и хорошо понимали масштаб российской военной мощи, выступали против вооруженной борьбы с режимом, все же сохранявшим то, что они считали важнейшими атрибутами ислама.³ Таким образом, в Дукчи Ишане часто видят народного лидера, в известной степени находящегося вне устоявшихся структур религиозных властей Туркестана.⁴

Толкования мотивов Дукчи Ишана и его последователей также разнятся. Беатрис Манц предположила, что Андижанское восстание следует рассматривать главным образом как племенное движение среди кипчаков-кочевников восточной Ферганы, стремящихся вернуть себе политическое влияние, которым они пользовались в 40–50-х годах XIX века, когда под их контролем находилось Кокандское ханство.⁵ Бахтияр Бабаджанов считает, что Дукчи Ишан довольно неохотно занял место лидера вооруженного восстания против русских, и если его собственные приоритеты были,

В советскую эпоху русскоязычные историки фактически не пытались установить глубинные мотивы и причины Андижанского восстания, предпочитая толкования в духе преобладающей на тот момент историографической идеологии

несомненно, религиозного и нравственного плана, то некоторые из его сподвижников могли преследовать политические и экономические цели.⁶ Хисао Комацу подчеркивает, что Дукчи Ишан видел свою миссию в очищении мусульманского общества, и что к 1895–96 гг. он пришел к мысли о необходимости джихада против русских, чтобы защитить и обновить религию и положить конец тому, что он воспринимал как моральное разложение, обусловленное российским владычеством.⁷

¹ П. Г. Галузо, *Туркестан — Колония: очерк истории Туркестана от завоевания русскими до революции 1917* (Москва, 1929).

² «Андижанское восстание 1898 г.», под ред. Е. Штейнберга, *Красный архив*, xci (1938), 123–8.

³ Lowell Tillet, *The Great Friendship: Soviet Historians on the Non-Russian Nationalities* (Chapel Hill, 1969), 174–5. В этом отношении наиболее показательной является статья Бободжана Гафурова «Андижанское „восстание“ 1898 года» // *Вопросы истории*, № 2, (1953), с. 50–61 (выражая благодарность Бахтияру Бабаджанову).

⁴ Fazilbek Atabek oghli, *Dukchi Ishan Vaqyasi* (Farghanada istibdad jalladlari) (Самарканд и Ташкент, 1927); мое описание его труда взято из Komatsu Hisao, 'The Andijan Uprising Reconsidered', in Sato Tsugitaka (ed.), *Symbiosis and Conflict in Muslim Societies: Historical and Comparative Aspects* (London, 2004), 30, 56 n. 8.

⁵ Эта работа до сих пор не опубликована: копия рукописей хранится в Институте востоковедения им. Бируни Академии Наук Узбекистана в Ташкенте (IVAN RUz, Рук.1725).

⁶ Манакиб-и Дукчи Ишан: Аноним жития Дукчи Ишана — предводителя Андижанского восстания 1898 года, А. фон Кюгельген (ред.), пер. Б. А. Бабаджанова (Алматы, 2004).

¹ Komatsu, 'Andijan Uprising Reconsidered', 30–7.

² Babadzhanov, 'Dukchi Ishan und der Aufstand von Andijan', 185–6; Мирза 'Абдалазим Сами, Та'рих-и Салатин-и Мангитуйа: История мангытских государей, правивших в столице, благородной Бухаре, ред. и пер. Л. М. Епифановой, (Москва, 1962), персидский текст л. 121b–122a, пер. 123–4; Афтандил Эркинов также продемонстрировал, что почти все стихи, написанные Туркестанскими интеллектуалами об Андижанском восстании, осуждают ишана или даже намекают на то, что он по происхождению — иранский шиит-еретик: Эркинов, «Андижанское восстание».

³ Hisao Komatsu, 'Dar al-Islam under Russian Rule as Understood by Turkestani Muslim Intellectuals', in Tomohiko Uyama (ed.), *Empire, Islam, and Politics in Central Eurasia* (Sapporo, 2007), 10–17; Bakhtiyar Babadzhanov, 'Russian Colonial Power in Central Asia as Seen by Local Muslim Intellectuals', in Beate Eschment and Hans (n. 15 cont.) Harder (eds.), *Looking at the Coloniser: Cross-Cultural Perceptions in Central Asia and the Caucasus, Bengal, and Related Areas* (Würzburg, 2004).

⁴ Бабаджанов, «Андижанское восстание 1898 года и «мусульманский вопрос» в Туркестане», 177–8.

⁵ Beatrice Forbes Manz, 'Central Asian Uprisings in the Nineteenth Century: Ferghana under the Russians', *Russian Review*, xlvii (1987), 269–71.

⁶ Babadzhanov, 'Dukchi Ishan und der Aufstand von Andijan', 183; Бабаджанов, «Дукчи Ишан и Андижанское восстание», 263.

⁷ Komatsu, 'Dar al-Islam under Russian Rule', 13–14.

¹ Сальков, «Андижанское восстание», 39; это была реакция на возрождение Абдул-Хамидом II халифата и его сакрального статуса как средоточия ислама, как на внутреннем, так и на международном уровне, но боязнь раскола в мусульманском мире отражена в отношении османской правящей элиты к суннитам под российским правлением: Selim Deringil, *The Well-Protected Domains: Ideology and the Legitimation of Power in the Ottoman Empire, 1876–1909* (London, 1999), 46–7, 54–5.

² С. М. Духовской, «Всеподающий доклад Туркестанского генерал-губернатора генерала от инфантерии Духовского «Ислам в Туркестане». (Ташкент, 1899), опуб. в *Императорская Россия и мусульманский мир*, под ред. Д. Ю. Арапова (Москва, 2006), 142–63; Komatsu, 'Andijan Uprising Reconsidered', 47–8.

³ Бабаджанов в своей работе «Андижанское восстание 1898 года и «мусульманский вопрос» в Туркестане, 166–77, затрагивает некоторые из риторических откликов на события в Андижане, но не их практические последствия для местной администрации. Елена Кэмпбелл сосредотачивает внимание на обсуждении ситуации на высоком уровне в Петербурге и не рассматривает позиции военных, которые, в сущности, управляли большей частью мусульман в Российской Империи: см. Elena Campbell, 'The Muslim Question in Late Imperial Russia', in Jane Burbank, Mark von Hagen and Anatoly Rempel (eds.), *Russian Empire: Space, People, Power, 1700–1930* (Bloomington, 2007), 325–6.

⁴ Это термин вызвал много споров; кочевники использовали его для обозначения оседлых крестьян или городских жителей: см. V. V. Barthold, 'Sart', *Ency. of Islam*, iv, S–Z (Leiden & London, 1934), 175–6.

Хотя настоящая статья внесет, может быть, свою лепту в неугасший спор о сущности Андижанского восстания, лучше всего оставить этот вопрос ученым, владеющим языками Средней Азии. Моя задача на самом деле ближе к той, которую преследовал Галузо в 1926 году, пользуясь теми же источниками, состоящими главным образом из официальных документов российской администрации. Интересно, что в раннем описании Андижанского восстания Галузо заостряет внимание на последствиях этого события, породившего паранойю среди колониальных властей, как свидетельствуют архивы канцелярии генерал-губернатора Туркестана, на которые он опирался. В то время Андижанские события, казалось, подтвердили представления русских о присутствии туркестанским мусульманам природном «фанатизме» и вытекающей отсюда угрозе исламского мятежа и священной войны (*газавата*). Многие представители властей также утверждали, что это восстание свидетельствовало о новой, панисламской угрозе, ссылаясь на длительность пребывания Дукчи Ишана в Мекке и Медине во время его паломничества и, хуже того, на возможность прямых сношений его с османским султаном Абдул-Хамидом II или с турецкими и афганскими агентами.¹ Андижанские события поставили под сомнение политику «игнорирования» ислама, которую российское правительство проводило в Туркестане с 1867 года, с момента назначения Константина Петровича фон Кауфмана первым генерал-губернатором округа. В результате С. М. Духовской, занимавший должность генерал-губернатора на момент восстания, призвал к более активной политике в отношении ислама, что в долгосрочной перспективе имело серьезные последствия для колониального правления в Туркестане.²

Если официальная реакция на Андижанское восстание изучена на уровне взаимоотношений между Ташкентом и Петербургом, то его воздействие на колониальную администрацию на местах после короткого описания Галузо почти не рассматривалось.³ Настоящая статья преследует цель осветить этот аспект путем анализа доселе неизвестного инцидента, разворачивавшегося на протяжении полутора лет и получившего начало через несколько месяцев после Андижанского восстания. Место действия — район между городами Чимкент и Аулие-Ата (современные Шымкент и Тараз) в сотнях километров от Андижана, на южной окраине степи, которая сегодня находится на территории Казахстана, а тогда называлась Сырдарьинской областью (см. Рис. 1). Это была пограничная зона, где пересекались оседлые горожане (сарты),⁴ степные кочевники-казахи и горцы-киргизы; здесь пастбища кочевников соседствовали с орошаемым сельскохозяйственными угодьями (на берегах Сыр-Дарьи и р. Арыс) и горными хребтами (Каратау и Буралдай). С начала XIX века и вплоть до российско-

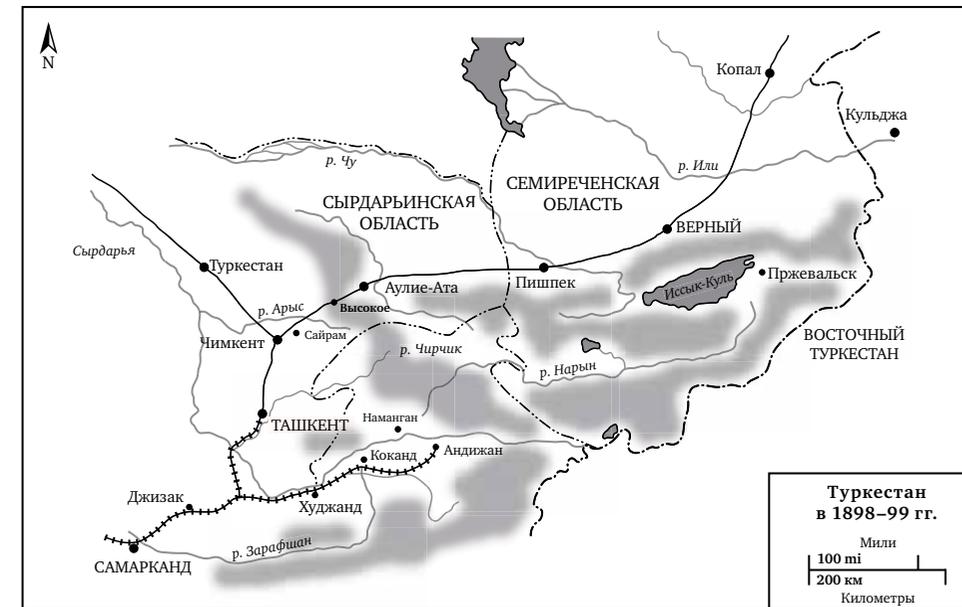

Рис. 1. Карта российского Туркестана в 1898–1899 гг. Автор статьи и редакция журнала благодарят Луизу Бугласс за работу по составлению карты и разрешение на ее публикацию.

го завоевания в 1864 г. этот район был частью Кокандского ханства, самого молодого из среднеазиатских государств, которое опиралось на Ферганскую долину, но стремилось распространить свое влияние далеко в степь.¹ После завоевания, как и остальной русский Туркестан, эта территория оказалась под широко рассеянным военным управлением, опиравшимся в значительной степени на местных посредников — в первую очередь на волостных управителей (тюрк. *мингбаши*) и казиев.² К 1890 г. это был один из немногих районов Туркестана с существенным количеством русских крестьян-переселенцев, что еще больше осложняло изначально непростой состав местного общества. Эта история опирается главным образом на одно дело из Центрального государственного архива республики Казахстан в Алматы, представляющее собой отчет местной администрации Чимкента 1898–1900 гг. Он интересен не только любопытными событиями, которые в нем описаны, но и личностью их основного составителя и протагониста — капитана артиллерии Нила Сергеевича Лыкошина, который служил в то время помощником военного начальника Чимкентского уезда. Лыкошин (1860–1922) был потомственным псковским дворянином, учился в элитном Павловском военном училище, был определен в артиллерийские войска, но в боевых действиях ни разу не участвовал. Вместо этого он поступил на службу в Среднеазиатское военно-народное управление в качестве пристава в маленьком городке Ура-Тепе в 1889 г., а затем был назначен заведующим «азиатской» частью Ташкента. Назначение в Чимкент

¹ Чимкент находился под властью Коканда с 1810 г., а Аулие-Ата с 1826 по 1864, когда оба города были взяты русскими. Ханство было окончательно аннексировано в 1875–6 гг. О подъеме Кокандского ханства в середине XVIII в., см. Scott C. Levi, 'The Ferghana Valley at the Crossroads of World History: The Rise of Khoqand, 1709–1822', *Journal of Global History*, ii (2007). О Кокандском правлении в южных степях, см. Т. К. Бейсембиев, «Высшая администрация Ташкента и юга Казахстана в период Кокандского Ханства: 1809–1865 гг.», в М. К. Абусейтова и С. Абдулло (ред.), *Историко-культурные взаимосвязи Ирана и Дашт-и Кипчака в XIII–XVIII вв.* (Алматы, 2004). О ранней истории Аулие-Ата и Чимкента см. А. И. Добромыслов, *Города Сыр-Дарьинской области: Казалинск, Перовск, Туркестан, Аулие-Ата и Чимкент* (Санкт-Петербург, 1912), 159–66, 182–90.

² О системе администрации в Туркестане (известной как «военно-народное управление»), см. А. S. Morrison, *Russian Rule in Samarkand, 1868–1910: A Comparison with British India* (Oxford, 2008), chs. 4–5.

¹ М. К. Басханов, *Русские военные востоковеды до 1917 г.: библиографический словарь* (Москва, 2005), 145–7.

² Н. С. Лыкошин, «Письма из туземного Ташкента», *Туркестанские ведомости*, № 10–12, 12–15 фев. 1894.

³ «Адаб-уль-Салихин: кодекс приличий на востоке», пер. Н. С. Лыкошина, в *Сборнике материалов по мусульманству*, ii, ред. В. П. Наливкин (Ташкент, 1900); Н. С. Лыкошин, «Хороший тон» на востоке (Санкт-Петербург, 1915). Интересно отметить, что автографы на всех экземплярах его работ в библиотеке Института востоковедения в С.-Петербурге говорят о том, что они были подарены автором В. В. Бартольд.

⁴ *История Бухары Мухамеда Наршахи*, ред. В. В. Бартольд, пер. Н. С. Лыкошин (Ташкент, 1897); Н. С. Лыкошин, *Дивана-и-Машраб: жизнеописание популярнейшего представителя мистицизма в Туркестанском крае* (Самарканд, 1911); Н. Л. Лыкошин, *Мурадбек и Фатима (хивинское предание)* (Ташкент, 1896).

⁵ Н. С. Лыкошин, *О гаданиях у среднеазиатских туземцев* (Самарканд, 1908).

⁶ Н. С. Лыкошин, *Результаты сближения русских с туземцами* ([Ташкент?], 1903); Н. С. Лыкошин, *Чапкуллукская волость Ходжентского уезда Самаркандской области* (Самарканд, 1905).

⁷ Alexander Morrison, ‘“Applied Orientalism” in British India and Tsarist Turkestan’, *Comparative Studies in Society and History*, li (2009).

⁸ C. A. Bayly, *Empire and Information: Intelligence-Gathering and Social Communication in India, 1780–1870* (Cambridge, 1996), 149, 171–3.

(где он останется до 1902 г.) послужило началом блестящей карьеры. С 1905 по 1912 г. он служил начальником Ходжентского уезда, с 1912 по 1913 — главой Амударьинского отдела, и закончил свою карьеру генерал-майором и губернатором Самаркандской области с 1914 по 1917 г.¹ Лыкошин впервые проявил свои дарования как автор серии статей для «Туркестанских ведомостей» (правительственной газеты), посвященных жизни в «туземной» части Ташкента.² Впоследствии он перевел бухарского историка Наршахи с персидского на русский в сотрудничестве с великим русским востоковедом Василием Бартольдом, а затем взялся за перевод «Кодекса приличий на Востоке» Мухаммада Садики Кашгари (впервые опубликованный в составе руководства по исламу для администраторов), на основе которого он позднее написал пособие о нравах и обычаях мусульман для своих менее искушенных соотечественников.³ Его труды представляют собой смесь традиционного востоковедения (как, например, его переводы Наршахи и суфийского поэта XVIII в. Машраба)⁴, полуэтнографических работ⁵ и записок о заселении земель, функционировании «туземной» администрации и прогрессе «цивилизации» среди туземцев.⁶ Помимо полноценных монографий, он написал множество статей об истории, языке и этнографии Центральной Азии для газеты «Туркестанские ведомости» и ее неофициальных аналогов — «Русского Туркестана» и «Туркестанского курьера», и даже, в течение короткого времени после революции 1905 г., для социалистической газеты «Самарканд». Лыкошин, пожалуй, представляет собой наиболее выдающийся пример обычной для российских колоний фигуры востоковеда-администратора.⁷ До сих пор о его научной карьере нам было известно больше, чем об административной, и одна из задач данной статьи — дополнить биографию одного из важнейших деятелей дореволюционного Туркестана. Его реакция на Андиганское восстание и на историю, которую ему самому довелось исследовать на вверенной ему территории, дает нам уникальную возможность изучить взаимосвязь между востоковедными знаниями и колониальной властью на местном уровне.

Российская реакция на Андиганские события — прекрасный пример того, что С. А. Бейли назвал «информационной паникой», когда за неимением достоверных сведений колониальные чиновники из кожи вон лезли в погоне за блуждающими огоньками ориентализма, которые в значительной степени являлись плодом их собственного предубеждения против подвластного им населения.⁸ В Индии наиболее известный подобный случай — это, наверное, Туги, предполагаемая общеиндийская секта убийц, «раскрытая» и «уничтоженная» Вильямом Слимманом, самостоятельно связавшим реальные, но разрозненные случаи бандитизма и грабежа на дорогах центральной Индии в единый, связанный религиозный

заговор.¹ В этом случае первоначальный страх и паранойя уступили место самодовольству властей, уверенных, что они отлично поработали. Растущие расовые и культурные предубеждения британцев против индийского населения в 1830-х и 1840-х годах привели к пренебрежению старыми туземными источниками информации, и в результате образовавшегося дефицита информации открытый мятеж 1857 года застал британцев практически врасплох.² Пятьдесят лет спустя, в 1907 г., вспышка терроризма в Бенгале также вызывала паранойю и невроз среди колониальных властей Индии: полиции мерещились заговоры и угрозы в каждом студенческом собрании, в переводах на местный язык статей из британских газет, критикующих правительство Индии, даже в пятнах грязи на манговых деревьях; однако из 1038 арестованных по подозрению в подстрекательстве к мятежу лишь восьмидесяти четырем было предъявлено обвинение.³ Если для отдельных людей такие приступы паники могли иметь весьма печальные последствия, то в целом они истощали ресурсы колониального государства, отвлекая полицию и разведывательные службы от более важных и опасных вопросов и отнимая огромное количество времени у администрации. Они интересны не только сами по себе, но и как отражение подспудных тревог и страхов колониальных правителей, а также пределов их власти над покоренным населением.

Угрожающие или тревожные слухи всегда обладали способностью порождать гипертрофированную и ошибочно направленную реакцию государства, но, как показала Энн Столер, этот эффект многократно усиливается в колониальном контексте, где администрация испытывает дефицит персонала и плохо разбирается в обществе, которое она пытается контролировать. Затруднения колониального государства разделяет и историк, изучающий его архивы, так что чрезвычайно сложно получить ясную картину

**Угрожающие или тревожные слухи всегда
обладали способностью порождать
гипертрофированную и ошибочно
направленную реакцию государства**

на основании таких колониальных источников, на которые опирается данная статья. Слухи, предубеждения и невежество образуют густой туман, через который трудно, почти невозможно разглядеть прошлые события.⁴ В нашем случае, голоса нерусских участников этой истории доносятся к нам через призму прошений, адресованных властям, или показаний свидетелей, собранных российскими

¹ Kim A. Wagner, *Thuggee: Banditry and the British in Early Nineteenth-Century India* (Basingstoke, 2007), 1–12, 217–26.

² Bayly, *Empire and Information*, 365–76.

³ D. K. Lahiri Choudhury, ‘Sinews of Panic and the Nerves of Empire: The Imagined State’s Entanglement with Information Panic. India, c.1880–1912’, *Modern Asian Studies*, xxxviii (2004), 978–82, 997.

⁴ Ann Laura Stoler, ‘“In Cold Blood”: Hierarchies of Credibility and the Politics of Colonial Narratives’, *Representations*, xxxvii (1992), 179–82.

¹ Ценность такого подхода для понимания народной культуры как она есть была, как известно, продемонстрирована Эмманюэлем Леруа Лядури, воспользовавшегося архивами инквизиции в *Emmanuel LeRoy Ladurie, Montaillou: Cathars and Catholics in a French Village, 1294–1324, trans. Barbara Bray (London, 1978)*, и Карло Гинзбургом в *Carlo Ginzburg, The Cheese and the Worms: The Cosmos of a Sixteenth-Century Miller, trans. John and Anne Tedeschi (Baltimore, 1980)*. Ханпель в *Nomadische Lebenswelten, 16–17*, приводит убедительные доводы в пользу привлечения протоколов допроса Охранного отделения при изучении восстания 1916 г. Разумеется, подобное использование допросов сопряжено с определенными трудностями, но иногда они являются единственным дошедшим до нас эхом, пусть даже слабым и искаженным, голосов некоторых подчиненных фигур. См. также *David Arnold, 'Rebellious Hillmen: The Gudern-Rampa Risings, 839–1924', in Ranajit Guha (ed.), Subaltern Studies I: Writings on South Asian History and Society (Delhi, 1982)*, где успешно заново открывается история антиколониального сопротивления подчиненных групп на основании почти исключительно колониальных источников.

² В XIX в. в России казахов неизменно называли киргизами, чтобы не путать их с казаками. Те, кого сегодня именуют киргизами, назывались «кара-киргизы». В данной статье я сохраняю оригинальную терминологию в цитатах, но пользуюсь правильными терминами в тексте.

³ «Протокол», 17 августа 1898: Центральный Государственный Архив Республики Казахстан (далее ЦГАРКаз), ф. 124, «Чимкентское уездное управление», оп. 1, д. 7, «Материалы дознания по вопросу тайного снабжения оружием населения ишаном Х. Абдурахмановым, л. 24–25об.

⁴ Из жалобы Мамбета Калкабекова военному губернатору Сырдарьинской области, 15 июня 1899 г.: ЦГАРКаз, ф. 124, оп. 1, д. 7, л. 8.

служащими—часто с помощью переводчика. Однако эти записи и слухи, которые в них отражены, сами по себе заслуживают внимания. Отчасти оттого, что страх и неразбериха так часто оказывались в основе мыслей и действий властей, но и потому, что эти источники, несмотря на все их недостатки, могут немало рассказать нам о восприятии Дукчи Ишана и его наследия среди местного населения и со стороны русских. Выводы, сделанные на основании таких материалов, остаются, конечно, умозрительными, но иногда даже «репрессивная» документация—допросы, дознания, свидетельские показания—может помочь нам восстановить отдельные элементы истории снизу.¹

1. ИШАН ЖИВ

17 августа 1898 г., через три месяца после того, как Дукчи Ишан повел своих последователей в обреченную атаку на русский гарнизон Андижана, некий «киргиз» (т.е. казах)² по имени Мамбет Калкабеков из аула № 11 Куюкской волости в Аулие-Атинском уезде Сырдарьинской области рассказал статскому советнику А. Ильинскому, находившемуся там с инспекцией, странную историю, словно нарочно предназначенную для того, чтобы переполошить колониальную администрацию.³

Калкабеков утверждал, что Дукчи Ишан раздал населению Аулие-Атинского уезда не менее трехсот ружей для подготовки нового восстания; год спустя он все еще стоял на своем. К тому времени, его рассказ уже поверг администрацию в изрядное смятение: «Не взирая на справедливые времена Государя Императора, безумные киргизы обираются, ибо верят, что Ишан, как посланник Божий, жив».⁴

Мухаммад Али Сабир был казнен колониальными властями 12 июня, после упрощенного судопроизводства, но возглавленное им восстание оставило глубокий след в памяти российской администрации. В атмосфере повышенной паранойи странная история казахского осведомителя казалась вполне правдоподобной. Калкабеков через переводчика сообщил Ильинскому, что его тесть, богатый человек по имени Авалбек Тилеулиев Умаркул, является одним из главных конспираторов:

Года четыре тому назад он получил откуда-то два ружья и стал учиться стрелять. Жена его Толкун часто смеялась над ним и говорила ему: «ты с ума сошел, для чего ты учишься стрелять на старости лет»; на это он отвечал: «это хорошее дело, так приказал ишан, приславший мне эти ружья». Я не знал и не расспрашивал, от какого именно ишана и для чего им получено два ружья. Осенью прошлого года Аульбек стал рассказывать в своей семье, где и я присутствовал, что в Андижанском

уезде, на местности Минь-тюбе, проживает дувана-ишан Мухамед Али Сабыров, человек святой, которому упала с неба какая-то святая книга; что он делает чудеса, например, варит без огня пищу в казане, что в книге той, написано, что если кто будет помогать ишану в его делах святых, то тот будет огражден от меча, сабли, и всякого несчастья; при этом Аульбек иногда и мне советовал поучиться стрелять.¹

Калкабеков сообщил также, что некий Тугулбай, «неизвестный, беспаспортный, туземец, сарт ли, киргиз ли, не знаю», жил у Авалбека, и что старик часто посылал его в Андижан к Дукчи Ишану. Как утверждал Калкабеков, Авалбек только потому не принял участия в восстании, что его ружье взорвалось на охоте и повредило ему глаз, но он, якобы, уговаривал Калкабекова вместо него присоединиться к повстанцам ишана. Калкабеков, по его собственным словам, отказался, ответив, «что при Кокандском владычестве нам было тяжелее, а теперь под власть русского Царя нам живется хорошо спокойно». Однажды ночью четырьмя месяцами раньше, продолжал Калкабеков свой рассказ, Тугулбай прискакал из Андижана и, думая, что Калкабеков спит, сообщил Авалбеку, что ишан посылает оружие через горные перевалы из Ферганской долины, чтобы его не обнаружили, для раздачи желающим. Калкабеков утверждал, что видел оружие собственными глазами: шесть больших груд, завернутых в войлок, по меньшей мере по пятьдесят, а то и по сто ружей в каждой. Наконец, когда Авалбек увидел, что не может убедить Калкабекова последовать за ишаном, он разозлился, выгнал зятя из дому и забрал у него жену и трехлетнего сына, предоставив Калкабекову заботиться о его втором, годовалом сыне в одиночестве.² Он сказал Ильинскому:

Если будете спрашивать об этом деле киргизов, то все они, конечно, покажут, что я дурак и заявил неправду. Я до сего времени боялся заявлять об этом начальнику уезда, боялся, что он закричит на меня, прогонит, а затем пошлет джигитов спросить волостных управителей, правду ли я сказал, и он покажут против меня. Узнав, что Вы посланы сюда высшим начальством, я поспешил к Вам, чтобы заявить о вышеизложенном. Я очень боюсь, чтобы меня не убили киргизы Куюковской волости за сделанное мною сообщение.³

Он попросил, чтобы его отправили к родственникам в Копальский уезд, далеко на северо-запад Семиречья. Ильинский воспринял эти показания совершенно серьезно. По его словам: «Мамбет Калкабеков давал показания толково: на все вопросы отвечал быстро, без всяких запинок. Это произвело такое впечатление, что он показал правду, а не лож. Показание его повидимому, совершенно правдивое».⁴ Полицейский пристав, посланный для расследования в аул Авалбека, утверждал, что местные казахи на его вопросы отвечали уклончиво и отказывались указать жилище Авалбека.

¹ «Протокол», 17 августа 1898: ЦГАРКаз, ф. 124, оп. 1, д. 7, л. 24; параллели историям о чудесах ишана можно найти в *Манакби-и Дукчи Ишан, А. фон Кюгельген (ред.), пер. Б. А. Бабаджанов, 163–4.*

² «Протокол», 18 августа 1898: ЦГАРКаз, ф. 124, оп. 1, д. 7, л. 24об–25.

³ Там же, л. 25.

⁴ Там же, л. 25об.

Когда же он, наконец, отыскал его, то обнаружил, что старик действительно лежит в постели с глазной травмой, полученной из-за взорвавшегося ружья. Авалбек утверждал, что он никогда не слышал о Дукчи Ишане и не знает, как его зовут и где он живет. Тут же в доме пристав нашел и дочь Авалбека, жену Мамбета Калкабекова, которая дала следующие объяснения:

Муж ея, Мамбет, в последнее время бросил работу и стал заниматься кражами. Жили они в отдельной юрте. Чтобы достать молока для своих детей, она принуждена была бегать по соседям, т.к. ее муж пропадал по целым дням совершенно не заботясь о пропитании своей семьи. Наконец она решилась бросить мужа и уйти к своему отцу, на что очень сердился Мамбет и даже грозил убить ее, если она не вернется к нему.¹

¹ «Дознание», 19 авг. 1898: там же, л. 26об.

После этого пристав приказал обыскать все юрты аула, в результате чего были найдены и конфискованы несколько ружей и запас пороха, хотя владельцы оружия настаивали, что использовали его только для охоты. Отметив, что семья Авалбека призывала проклятия на голову Мамбета Калкабекова за то, что он натравил на них русских, полицейский решил:

Нет сомнения, что показание Мамбета есть результат его отношений к своему тестю, но по сбивчивости опрашиваемых лиц и по вышеизложенным данным можно думать, что в показании Мамбета есть правда, тем более, что трудно даже придумать подобное заявление не имея к тому никаких данных.²

² «Репорт», 20 авг. 1898: там же, л. 28.

Подполковник Усов, начальник Аулие-Атинского уезда, сообщил об этой истории в Ташкент, и прокурор Ташкентского окружного суда Н. Н. Мичурин потребовал дальнейшего расследования. Он велел Усову прочесать горную часть Аулие-Атинского уезда в поисках оружия; через год Усов сообщил, что у казахов обнаружено было бо ружей, но все владельцы настаивали на том, что оружие ими куплено или получено по наследству, а не от ишана, и используется для охоты и самозащиты. Уездный начальник отметил, что поиски велись бывшими членами туземной администрации с помощью специально нанятых казахов и выразил сомнение в их добросовестности, учитывая «в виду приязн от всех этих туземцев к своим единоверцам и отсутствия среди кочевников достаточно благонадежных лиц», не говоря уже о том, что у него просто не доставало ресурсов для того, чтобы обыскать каждый дом в уезде с населением в 280 000 душ.³ Другая часть расследования заключалась в сборе дознаний замешанных лиц. На это ушло немало времени, поскольку Калкабеков не сидел сложа руки: в период с 22 августа по 4 декабря 1898 г. он восемь раз обращался к Аулие-Атинскому уездному начальнику, и каждый раз с несколько иной или вовсе новой версией первоначального рассказа, обвиняя других казахов

³ Уездный начальник Аулие-Атинского уезда (далее УН) ташкентскому прокурору, 24 июня 1899: там же, л. 14–14об.

в связях с Дукчи Ишаном или участия в исламском заговоре. После этого уездный начальник оправлялся в аулы обвиняемых, чтобы допросить их, но все они неизменно отвечали, что об ишане никогда не слышали и в Ферганской долине не бывали. 25 августа Калкабеков заявил, что в ауле Меке-Камал, в соседнем Чимкентском уезде, старый казах по имени Дикамбай Батов является приверженцем ишана и что двое его сыновей, Мамыр и Шукур, ездили к нему в Фергану и вернулись с оружием. Братья все отрицали и обыск аула ничего не дал. Местные чиновники (включая Хана Ходжу Тургунбаева, местного бия)¹ на расспросы отвечали, что ни тот, ни другой весь год не покидали аула. В свою очередь, они обвинили Калкабекова в том, что он выдумал всю эту историю, чтобы отвлечь внимание от кражи скота, совершенной им в соседнем русском селе Высокое.² Это обвинение осталось без внимания, несмотря на то (или, может быть, благодаря тому), что оно исходило от представителей «туземной администрации» колониального режима, и Калкабеков продолжал обращаться к уездным властям с новыми историями примерно каждые две недели, и по каждой из них проводилось расследование. Время от времени его доносы приводили к конфискации нескольких нелегальных ружей, а иногда Калкабеков сам приносил их, утверждая, что отобрал у владельцев.³ Возможно, он стал полезным осведомителем, но ни одно из длительных расследований по его заявлениям о широко распространенном исламском заговоре не обнаружило каких бы то ни было доказательств его правоты.

После десяти месяцев бесплодных расследований 5 мая 1899 года Калкабеков обратился к помощнику начальника Чимкентского уезда, капитану артиллерии Нилу Сергеевичу Лыкошину с просьбой втайне переговорить с ним. Он снова утверждал, что Дукчи Ишан прислал триста ружей в Аулие-Атинский уезд, и на этот раз заявил, что 29 из них находятся в юрте казаха по имени Кембай Туракилдиев. Когда Лыкошин предложил Калкабекову присоединиться к конфискационной экспедиции, тот внезапно изменил свой рассказ и сказал, что оружия там уже нет. Он умолял Лыкошина отпустить его и дать ему открытку с его адресом, чтобы он мог прислать более точную информацию о местонахождении оружия, не покидая своего аула. Лыкошин согласился и дал ему открытку; после этого, как он выразился, «без всякого повода с моей стороны» Калкабеков принялся утверждать, что помимо тайника с оружием ему также известно местонахождение посланца от афганского эмира в Ташкентском уезде. Лыкошин попросил его записать все, что ему известно, и отправить эту информацию военному губернатору Сырдарьинской области, что Калкабеков и сделал: он исписал страницу на языке тюрки, где сообщалось, что афганский эмир направил четырех посланцев под предводительством неко-

¹ Бий — судья, руководствующийся положениями казахского обычного права или «адат».

² «Протокол», 25 авг. 1898: ЦГАРКаз, ф.124, оп.1, д. 7, л. 29; Высокое, основанное в 1889 г., было одним из старейших русских поселений в регионе и одним из самых процветающих: уже в 1893 оно насчитывало 130 домов, растянувшихся на 4 версты вдоль почтового тракта между Чимкентом и Аулие-Атой. См. И. Гейер, По русским селениям Сырдарьинской области (письма с дороги), Чимкентский уезд (Ташкент, 1893), 132–3.

³ «Протокол», 24 сент. 1898, 15 окт. 1898, 26 окт. 1898, 30 окт. 1898, 15 нояб. 1898, 4 дек. 1898: ЦГАРКаз, ф.124, оп.1, д. 7, л. 30–2.

его Муллы Тураба, и что он, Калкабеков, уже уведомил об этом нескольких представителей туземной администрации, но ответа не получил.¹ Допросив его еще раз, Лыкошин дал Калкабекову 25 копеек и отпустил. В отличие от всех остальных чиновников, до сих пор имевших дело с Калкабековым, Лыкошин весьма скептически отнесся к его рассказу:

Задержав Мамбета, я доложил Г. Начальнику уезда, что получил такое заявление от человека повидимому не вполне нормального, так как Мамбет говорит не светно, не обстоятельно объясняет раз сказанное по отдельным вопросам и сам заявляет, что Киргизы считают его помешанным.²

Возможно, именно сознание того, что Лыкошин не принял его всерьез, заставило Калкабекова написать еще одну длинную петицию (собственным размашистым почерком) губернатору Сырдарьинской области 15 июня 1899 г., где он повторил многие из своих предыдущих заявлений о том, что многие казахи будто бы уверены, что ишан жив и готовит новое восстание против русских, добавив обвинение в нападении на администратора Майликуентской волости. Любопытно, что здесь он не стал повторять заявления о посланцах афганского эмира.³

II. ПРИЗРАК ПАНИСЛАМИЗМА

Вся это история запуталась еще больше, когда 3 июля 1899 г. Лыкошин и прокурор Ташкентского областного суда Н. Н. Мичурин отправились в русское село Высокое под Чимкентом (где Калкабеков предположительно воровал скот), чтобы расследовать найденное там таинственное письмо. Староста Лев Терехов сообщил им, что двое крестьян по имени Аким Соловьянов и Максим Балацкий пошли в соседнее казахское селение Чакпак (аул, где проживал тесть Калкабекова, Авалбек Тилеулиев) купить кумыс и увидели казахского мальчика, ходившего от юрты к юрте с клочком бумаги. Они взяли у него бумажку на самокрутки, но увидев, что там что-то написано и стоит печать, решили, что она может быть связана со слухами о казахском мятеже.⁴ По дороге обратно в деревню они встретили вездесущего Мамбета Калкабекова, которому они показали письмо, поскольку он был грамотен, и он сказал им (по-русски, по их словам), что «это киргизы собираются резать вас, русских, а первый Аввальбек». После этого Калкабеков сообщил одному из них, что казахи получили больше тысячи ружей. Староста немедленно отправил длинный отчет уездным властям, зачем и последовал визит Лыкошина с прокурором.⁵ На прямые вопросы один из крестьян, противореча рассказу старосты, отвечал, что

письмо к ним попало не от казахского мальчика, а от самого Калкабекова. Однако по версии второго крестьянина, в ауле к ним подошел казахский мальчишка и, когда его спутник спросил «кагаз бар?» («бумага есть?»), дал им письмо; он также показал, что Калкабеков прочитал им письмо вслух «по-сартовски», но не перевел, а просто велел отнести его старосте.¹ Непоследовательность в этих рассказах прояснилась, когда восьмилетняя дочь старосты Анна Львовна Терехова дала на удивление связные показания, которые, должно быть, немало смутили ее родителей:

Этого Мамбета я знаю в лицо, он изредка бывал у нас в гостях, но от отца я не слыхала, бывал-ли он в гостях у Мамбета. При передаче записки Аким объяснил, что в нем сказано о намерении киргиз резать русских. Мать и я как услышали эти слова, испугались и заревели. В тот же день послали за Мамбетом, он приехал и при мне, отце, матери и бабушке сознался, что он передал записку Акиму и просил никому не сказывать, что записка получена от него, а сказать что получили от киргизских мальчишек. При этом Мамбет передал отцу много бумажных денег, эти деньги разделили между собой отец, Аким Соловьянов, Максим Балацкий, писарь Даниил Бездетков и вечером у нас в доме водку много народа водку носили откуда-то.

Пытаясь спасти положение, мать девочки заявила, что «Показание моей дочери Анны совершенно неверно, вероятно, по малолетству она испугалась и наговорила вздора».

Сама Анна, очевидно, после соответствующего разговора с матерью, «дополнительно показывала: по делу ничего не знаю, первое показание дала, с испугу». Хотя ее отец и крестьяне также пытались опровергнуть ее слова, они делали это с явным смущением и неуверенностью.² Тайное стало явным и, как ясно видно из отчета Лыкошина, он уже тогда решил, что письмо написано самим Калкабековым.³

Соответственно, он немедленно отправился в аул Калкабекова в Куякской волости, но птичка успела упорхнуть. Мать Мамбета, Сымбат Калкабекова, теперь уже вторично замужем, заявила, что давно не видела сына: в мае, добавила она, «народный судья» (то есть бий) волости, Хан Ходжа Тургунбаев, явился к ним в сопровождении пяти русских крестьян из Высокого, включая старосту, который принялся бить Калкабекова за то, что он сказал им, будто Тургунбаев знает, где находится тысяча ружей, спрятанных уездными казахами. Она дала им 8 рублей, чтобы они перестали бить его, после чего Калкабеков уехал в Аулие-Ату и с тех пор она его не видела. После этого Лыкошин допросил бия Тургунбаева, который заявил, что староста Высокого обратился к нему в связи с тем, что, по словам Калкабекова, он скрывал наличие оружия в уезде. Бий отрицал это обвинение и предложил вместе отпра-

¹ Мамбет Калкабеков военному губернатору Сырдарьинской области, 5 мая 1899: там же, л. 21–21об.

² «Протокол», 7 мая 1899: там же, л. 22–22об.

³ Перевод петиции Мамбека Калкабекова военному губернатору Сырдарьинской области, 15 июня 1899: там же, л. 7–8; однако переводчик сделал пометку от том, что некоторые части оригинала петиции, написанной на тюрки (л. 9–11 об файла), «за не ясностью и малограмотности Калкабекова не могли быть переведены».

⁴ Там же, л. 2–4; «Протокол», 3 июля 1899: там же, л. 40об.

⁵ Там же, л. 41–41об.

¹ Там же, л. 44об, 45об.

² Там же, л. 46–47об; 5 июля 1899: там же, л. 60об.

³ Н. С. Лыкошин, «Постановление № 2», 4 июля 1899: там же, л. 48.

виться к Калкабекову и выяснить, что он имел в виду. Явившись в аул, русские поселенцы действительно набросились на Калкабекова и не прекращали его бить, пока им не заплатили (хотя бий утверждал, что это он дал им те самые 8 рублей). Лыкошин обыскал юрту Калкабекова, но ничего не нашел.¹

Затем Лыкошин занялся загадочным письмом, которое стало предметом пристального изучения (см. Рис. 2). Оно было написано на языке, который русские называли «туземным» — довольно широко распространенном среднеазиатском варианте тюрки, от имени афганского эмира; подпись эмира фигурировала в конце текста (как «Хабибулла Султан») и на печати, на обороте листа (как «Хабибулла Абд аль-Рахман-хан»).

Он (Аллах) — Творец! Жителям Авлия-ата Чимкентской [волости] Авул-бик сын Тилава, Джанзак Суфи сын Бужака (и) 'Али Ходжа Ишану: посылаю вам весточку (пайам-нама). Я вознаградил (суйунчи)³ пришедшего от вас Ахмада сына Илгуна, передавшего от вас приветственное письмо (салам-нама) и огласившего его. Я познакомил четверых человек под началом Муллы Тураба с одним человеком, который был из людей при Авул-бике⁴ и приказал им: «Вы передайте посланные нами ружья и сабли тем, кто просил их для Священной войны (газат)». Мое слово (сузум) — 'Абдаллах Султан.⁵

Все предпринятые в последующие месяцы попытки выяснить, кто такой Мулла Тураб и где он живет, ни к чему не привели. Прошел слух, что он в Самарканде, и Лыкошин послал запрос уездному начальнику Самарканда — безрезультатно.⁶ Ахмад Илгун оглы (Ильгунов) оказался казаком из Ташкентского уезда, просидевшим некоторое время в тюрьме, и кто-то (вероятно, Мичурин) отыскал его старую петицию и желчную записку ташкентского уездного начальника, где Ахмад представлен как

человек в высшей степени нравственно испорченный и, как знающий русский язык письменно, принадлежит к числу самых вредных людей для населения вверенного мне уезда, исключительное его занятие составляет писание прошения кляузного характера.⁷

Справки, наведенные впоследствии Лыкошиным, показали, что он находится в Смирне, в османской Анатолии, что вполне могло раздуть опасения панисламского заговора.⁸ Остальные трое были казаками Чимкентского уезда, и Лыкошин не преминул допросить их, начав двумя днями позже с тестя Калкабекова, Авалбека, который лишь повторил то, что он сам и его дочь сообщили начальнику полиции год тому назад: что Калкабеков затаил на него злобу из-за развалившегося брака и спора по поводу калыма, и пожаловался на то, что эти расспросы позорят его и его дочь.⁹ Оче-

¹ «Протокол № 2»; и «Протокол осмотра», 4 июля 1899: там же, л. 49–52об.

² Тут некоторая путаница: в то время эмиром Афганистана был 'Абд аль-Рахман Хан, умерший в 1901 г. Хабибулла — это его сын, но 'Абд аль-Рахман Хан в последние годы жизни часто болел и Хабибулла, видимо, иногда выполнял какие-то функции правления.

³ «Суйунчи» (вознаграждение) дается тому, кто прибывает к адресату с хорошей вестью (письмом). То есть, в данном случае, награду получил Ахмад.

⁴ Русское произношение имени как «Авал-бек» неточное.

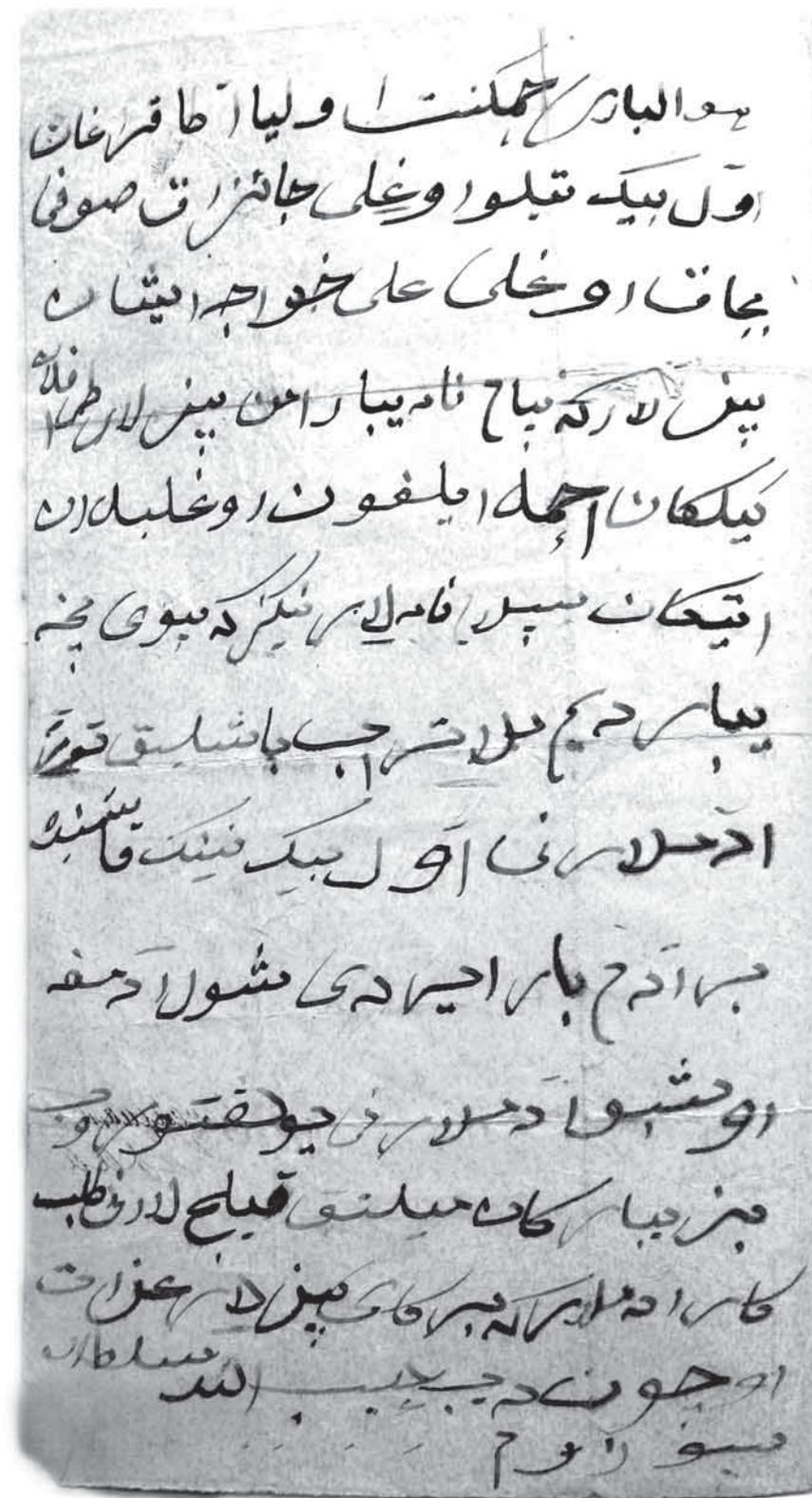
⁵ ЦГАРКаз, ф. 124, оп. 1, д. 7, л. 4–4об. Я благодарю Кимуру Сатору и Бахтияра Бабаджанова за этот перевод с оригинала, который несколько отличается от русского перевода в архивном деле.

⁶ Лыкошин Самаркандскому УН, 26 авг. 1899: ЦГАРКаз, ф. 124, оп. 1, д. 7, л. 142–142об; Самаркандский УН Лыкошину, 20 окт. 1899 г.: там же, л. 127–127об.

⁷ Ташкентский УН, 30 нояб. 1898: там же, л. 35–6.

⁸ Телеграмма от Никольского (?), Ташкент, Лыкошину, 8 июля 1899 г.: там же, л. 74.

⁹ «Дознание № 7», 5 июля 1899 г.: там же, л. 61–61об.

Карты в действии. Образы пространства и географическая реальность

Рис. 2. Предполагаемое афганское письмо и оттиск печати, якобы принадлежавшей Хабибулле Абд аль-Рахман-хану. Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГАРКаз), ф. 124, оп. 1, д. 7, л. 4–4об. Публикуется с официального разрешения Центрального государственного архива Республики Казахстан.

видно, двое других также были известны Лыкошину: один, Жанзак Бужаков, был судьей в соседней Буралдаевской волости; второй, которого Лыкошин называл «Афаходжинов», упомянут в петиции Калкабекова от 15 июня как тот, кто вместе с братом Хал-Ходжой Афаходжиновым знает, где спрятано оружие, посланное ишаном. Все трое, как писал Лыкошин, проживали в одном районе между Буралдайскими горами и рекой Арыс. Чтобы застать их врасплох, он проделал весь путь туда в ночь с 5 на 6 июля для проведения расследования, но обыск юрт ничего не дал.¹ Через два дня все трое были допрошены в кабинете Лыкошина в Чимкенте в присутствии самого Лыкошина, Мичурина и переводчика.² Шестидесятиоднолетний Жанзак Бужаков, служивший администратором в Буралдаевской волости прежде, чем стать судьей, заявил, что не узнает печати и что ни с Муллою Турабом, ни с Ахмадом Ильгуновым, ни с Авалбеком он незнаком. Он выразил уверенность, что эта клевета—дело рук его влиятельного врага, бывшего администратора соседней Машатской волости, Исы Батырбекова, сына Батырбека Дадха,³ занимавшего высокое положение при Кокандском правлении до российского завоевания. Бужаков утверждал, что после увольнения за коррупцию в 1887 г. Иса вместе с сыном занимался кражей скота и практически постоянно проживал не в своем ауле, а в Чимкенте и в близлежащем священном городке Сайраме. При этом он добавил:

В Чимкенте и Сайраме есть такие мастера, которые могут подделывать печати и, по словам, Халходжа Афаходжинов тоже занимается с Исы этими делами.⁴

Независимо от проблемы «афганского письма», эта информация имела несомненный криминальный интерес, поскольку поддельные печати бывших властителей и казиев использовались для фальсификации актов о собственности на землю и вакуфов, датированных до российского завоевания; именно этот аспект показаний Жанзака Бужанова особенно заинтересовал Лыкошина. Пятидесятилетний Али Ходжа Афаходжинов, проживавший в том же ауле, поддержал обвинения Бужакова в адрес Исы Батырбекова, добавив, что его младший брат, Хал-Ходжа, связался с последним, несмотря на все попытки отговорить его, в результате чего братья стали врагами. Сорокапятилетний Хал-Ходжа Афаходжинов, прошедший некоторое время в тюрьме, сообщил, что двумя месяцами раньше к нему явился Мамбет Калкабеков и заявил, что его послала российская администрация для поиска и изъятия оружия. Ничего не найдя в его юрте, он ушел и, по словам Хал-Ходжи, больше не появлялся. На вопрос, кто мог написать письмо или скрепить его печатью, он ответил:

Иса Батырбеков раньше занимался подобными делами и заказывал подложная печати у Мулла Ма- [Мухаммад] Юсуфа, живущаго в сел. Сайрам, близ мечети «Карол-Байзави».¹

Лыкошин немедленно отправил своего сослуживца, штабс-капитана Рукина, обыскать юрту Исы Батырбекова, а сам поспешил в Сайрам, под Чимкент. Там он сначала переговорил с волостным администратором, который сообщил, что Иса Батырбеков и Хал-Ходжа Афаходжинов недавно вместе побывали в Сайраме и расспрашивали, где можно найти резчика печатей Муллу Мухаммада Юсуфа Мухаммада Шукурова.² В доме последнего, который также являлся имамом близлежащей мечети Казия Байзави, Лыкошин нашел, наконец, кое-какие улики: Шукуров показал ему отпечатки всех вырезанных им печатей, стремясь доказать, что никогда не делал ничего похожего на предполагаемую печать 'Абд аль-Рахмана Хана; но Лыкошин заметил одну коробку, которую Шукуров пытался скрыть: в ней, на поверку, оказались печати «бывших мусульманских властителей». Ее отвезли в Чимкент для расследования. На допросе резчик печатей жаловался, что дела пошли плохо после того, как русские ввели и навязали среди казиев и биев Туркестана использование печатей государственного изготовления.³ Поэтому, несмотря на то, что поначалу он отказывался вырезать для Исы Батырбекова печать Худояр Хана, последнего правителя Коканда, предложенная цена в 5 рублей серебром оказалась слишком соблазнительной. Однако Шукуров категорически отрицал какое-либо отношение к подделке печати 'Абд аль-Рахман Хана, и заявил, что печати, обнаруженные Лыкошином в коробке, не имеют никакой важности.⁴

Между тем, обыск юрты Исы Батырбекова ничего не дал, а сам он как в воду канул. Батырбеков изложил свою версию событий лишь 4 августа, когда он прислал властям петицию (напечатанную на машинке, причем по-русски, и только подпись его в конце письма была сделана арабской вязью, что показывает, что он имел определенный опыт в таких делах). В петиции Батырбеков указывал, что он 25 лет прослужил администратором Машатской волости, получил многочисленные медали и награды (он особенно обращал внимание на то, что одна из таких наград получена им непосредственно от царя),⁵ и горько жаловался на обыск юрты в его отсутствие, что опозорило его в глазах соседей и российской администрации. Как и следовало ожидать, он утверждал, что с Мамбетом Калкабековым незнаком, и что его имя приплели к этому делу его политические враги в связи с тем, что он называл «партийной родовой враждой»—обычное явление среди казахов.⁶ Лыкошин с прокурором смогли допросить Батырбекова лишь 4 сентября: он продолжал все отрицать и сказал, что Хал-Ходжа Афаходжинов слу-

¹ Н. С. Лыкошин, «Постановление № 4», 5 июля 1899: там же, л. 61об–64.

² Лыкошин впоследствии писал, что даже если русские чиновники владели местными наречиями, переводчики были особенно полезны при проведении допросов, поскольку они могли задавать заранее подготовленные вопросы на тюркском, а чиновник при этом сам переводил ответы и записывал их по-русски. Это проливает дополнительный свет на то, как собирались такие показания. Н. Лыкошин, «О знании туземных наречий», в И. Д. Ягелло (ред.), Сборник материалов по вопросу об изучении туземных языков служащими по военно-народному управлению Туркестанского края, (Ташкент, 1905), 92–3.

³ Дадха — буквально, просящий справедливости, но в данном случае — просто средний ранг в судебной иерархии, см. *The Life of 'Alimqul: A Native Chronicle of Nineteenth-Century Central Asia*, ed. and trans. Timur K. Beisembiev (London, 2003), 18 n. 9.

⁴ «Протокол № 5», 8 июля 1899 г.: ЦГАРКаз, ф. 124, оп. 1, д. 7, л. 64об — 66.

¹ Там же, л. 66–67об; на самом деле, в этом документе мечеть ошибочно названа «Карол Байзави», но в показаниях Шукурова она обозначена правильно как мечеть «Казий Байзави». Мечеть была разрушена в Советский период и стоящее на ее месте здание (известное как мечеть Юсуфа Сайрама) было построено после 1991 г. Оно находится возле мавзолея Казия Байзави, которого Мир Ахмад Мирхалдаров, автор Сайрам Тарихи (Чимкент, 1991) — последней компиляции священной истории Сайрама на узбекском языке, в разговоре со мной охарактеризовал как полулегендарного правителя региона в среднем течении Сыр-Дарьи в X веке — возможно, это он упоминается под именем Маулана Кутб Аль-Дин 'Аллама Байзави в Devin DeWeese, 'Sacred History for a Central Asian Town: Saints, Shrines, and Legends of Origin in Histories of Sayram, 18th–19th Centuries', *Revue des mondes musulmans et de la Méditerranée*, lxxxix–xc (2000), http://remmm.revues.org/283_x117. Хранительница мавзолея сказала, что его также отождествляют с жившим в XIX веке казием (она использовала официальный русский термин «народный судья»), который, судя по всему, был чеченцем, попавшим в Сайрам через Хорасан. Я благодарю Мира Ахмада Мирхалдарова, объяснившего мне сложную историю этого здания, и Беатриче Пенати, распросившую по моей просьбе хранительницу мавзолея, которая говорила только по-узбекски.

² «Протокол № 6», 8 июля 1899 г.: ЦГАРКаз, ф. 124, оп. 1, д. 7, л. 69–70.

жил у него секретарем, но перешел на сторону «к враждебной мне партии, и я его уволил». Он утверждал, что Мухаммад Юсуф также принадлежит к числу его врагов и несколькими годами раньше подделал его, Батырбекова, печать в ходе очередной «межпартийной» усовицы, и что он не был у него уже много лет. Когда же ему предъявили показания Мухаммада Юсуфа и Хал-Ходжи, он изменил свою версию и признал, что в кампании последнего он действительно побывал в доме Мухаммада Юсуфа несколько недель тому назад, уступив его настояниям прийти на чай, но ушел прежде, чем начались какие-либо разговоры о делах, оставив там Хал-Ходжу. Допрос закончился на любопытной, но неопределенной ноте: на вопрос, не было ли с ним джигита (т.е. телохранителя или посыльного), Батырбеков ответил, что его действительно сопровождал джигит.

На вопрос, «не Мамбет-ли?», свидетель рассмеялся, потом сказал, что «не Мамбет», и не объяснил, причины почему упоминание о Мамбете вызвало в нем смех.¹

Больше ничего добиться не удалось—ни от них, ни от казахов Буралдаевской волости, которые в ответ на расспросы Лыкошина все отрицали, а дальнейший обыск в жилище Батырбекова также оказался безрезультатным.

Наконец, 11 сентября 1899 г. Лыкошин собрал группу экспертов для оценки подлинности «афганского» письма: в нее вошли Мулла Бахадур Падча Бабаханов (казий Чимкента), Султан Ахмад Ходжа Султан Саид Хожинов (мударис, или учитель в медресе),² Абдулла Ходжа Ишан-Ходжинов и Мулла Хидаятулла Ходжа Бабаходжа Ишан (оба муфтии) и Умар Хан Абд ул-Гафаров (учитель в русско-туземной школе). Они единогласно объявили письмо подделкой, указывая на то, что оно (1) написано на бумаге российского производства; (2) написано грубым насталиком—ни один официальный писарь таким почерком писать не станет; (3) в нем масса грамматических ошибок; (4) в нем используются типично казахские обороты тюрки; (5) предполагаемая королевская печать на обороте низкого качества и содержит многочисленные ошибки, в том числе неправильно написанное имя Аллаха в «Хабибулла» и лишний алиф в «Рахман». Эксперты пришли к выводу, что «письмо писано и печать резана киргизами для своих целей», не уточняя при этом, в чем эти цели могли заключаться.³ Между тем, сам Калкабеков пропал из виду. В середине июля, незадолго до допроса русских жителей Высокого, помощник Аулие-Атинского уездного начальника сообщил Лыкошину, что Калкабеков исчез из своего аула в Куюкской волости и все дальнейшие попытки установить его местонахождение ни к чему не привели.⁴ В конце концов, 12 августа

¹ «Протокол № 9», 4 сент. 1899: там же, л. 98.

² Возможно, это тот самый «Султан Ахмад Хан Чимкандлик», который в 1911 г. опубликовал серию стихов, критикующих Дукчи Ишана, в 82 выпуске официальной тюркоязычной газеты Туркистан вилятининг газети, воспроизведенные на сайте <http://zerrspiegel.orientphil.uni-halle.de/t470.html>; это один из текстов, рассматриваемых в Erkinov, *Andijan Uprising of 1898*, 36.

³ «Протокол», 11 сент. 1899 г.: ЦГАРКаз, ф. 124, оп. 1, д. 7, л. 106–106 об.

⁴ Аулие-Атинский УН Лыкошину, 12 июля 1899 г.: там же, л. 81–81об.

1899 г. начальник Копальского уезда, далеко на севере Семиречья (где, как Калкабеков как-то обмолвился, у него были родственники), написал, что поймал его и посадил в Копальскую тюрьму.¹ Лыкошин прежде всего поинтересовался, не было ли у него при себе какой-нибудь печати (как и следовало ожидать, не было), а затем, 22 августа, написал еще одно письмо с просьбой задать Калкабекову ряд вопросов о происхождении «афганского» письма.² К сожалению, ташкентский прокурор Мичурин, очевидно, питавший больше доверия к Калкабекову, чем Лыкошин, днем раньше отправил в Копал телеграмму с просьбой отпустить задержанного.³

Лыкошин, по-видимому, смирился с неизбежным, но попросил копальского уездного начальника дать Калкабекову средства на дорогу обратно в Аулие-Ату, чтобы он смог допросить его лично. После этого Калкабеков ненадолго появился в Верном, где его арестовали и практически тут же отпустили. Затем он, судя по всему, исчез окончательно.⁴ Как не без горечи отметил Лыкошин в заключении по делу:

1) основываясь на показаниях крестьян селения Высокого, следует признать, что послужившее поводом к производству дознания письмо на туземном наречии передано крестьянам киргизом № .11 аула Куюковской Волости Аулиеатинского уезда Мамбетом Калкабековым, который, не смотря на тщательнее розыски, остался нерозысканным и по некоторым показаниям считается психически-большим. 2) что по содержанию своему письмо за печатью Хабибулла Абдурахманова могло служить Мамбету Калкабекову средством для опорочения в отношении политической неблагонадежности киргиз, к которым он, Калкабеков и его знакомый Иса Батырбеков имели вражду.⁵

Конечно, вполне вероятно, что Калкабеков выдумал всю историю с намерением Дукчи Ишана раздать оружие в отдаленных уездах Чимкента и Аулие-Аты, чтобы отомстить бросившей его жене и тестю, а заодно и всем остальным, на которых он затаил обиду. Во всяком случае, он воспользовался уже существующими слухами для того, чтобы их дискредитировать. Несомненно, у многих казахов в этих краях были ружья, которые они скрывали от российских властей, и вполне возможно, что сказания о Дукчи Ишане и творимых им чудесах были широко известны (Анке фон Кюгельген даже предположила, что именно поэтому был написан «Манакиб-и Дукчи Ишан»), но рассказы об оружии, якобы тайно переправленном через горные перевалы из Ферганы, которые нашли таких благодарных слушателей в лице администратора Аулие-Аты и ташкентского прокурора на протяжении более чем 10 месяцев, были почти наверняка чистым вымыслом.⁶ Будучи грамотным, Калкабеков, весьма вероятно, подделал письмо от Абд аль-Рахман Хана. Труднее сказать, был ли он при этом в сговоре с бывшим волостным ад-

¹ Копальский УН Лыкошину, 12 авг. 1899: там же, л. 86.

² Лыкошин Копальскому УН, 22 авг. 1899 г.: там же, л. 89–89об.

³ Телеграмма от Мичурина Лыкошину, с сообщением о произошедшем, 21 авг. 1899, получена 22 авг. 1899: там же, л. 90.

⁴ Исполняющий обязанности начальника полиции Верного Аулие-Атинскому УН, 1 сент. 1899 г.: там же, л. 113.

⁵ Н. С. Лыкошин, «Постановление № 10», 21 дек. 1899 г.: там же, л. 78–78об.

⁶ Манакиб-и Дукчи Ишан, ред. фон Кюгельген, пер. Бабаджанов, 29–35 (предисловие редактора).

министратором Исой Батырбековым (или даже действовал по его наущению). После того, как Лыкошин допросил их, Батырбеков и Хал-Ходжа Афаходжинов прислали каждый по длинной петиции, обличая друг друга. В петиции Хал-Ходжи содержалось не менее пятнадцати различных обвинений в адрес Батырбекова, лишь одно из которых имело отношение к делу: он утверждал, что Иса знаком с афганцем, у которого был оттиск с печати сына 'Абд аль-Рахман Хана, и что он попросил чимкентского резчика печатей изготовить для него копию.¹ Лыкошин скорее всего поступил разумно, решив не связываться с расследованием по этому доносу. Хотя он по-прежнему относился к Батырбекову с большим подозрением, у него явно не хватало улики для того, чтобы открыть на него дело. Таким образом, хитроумный заговор, на расследование которого русские потратили больше года, собрав при этом 120 страниц свидетельских показаний, по всей вероятности существовал лишь в воображении казаха, которого Лыкошин при первой же встрече охарактеризовал как «не вполне нормального».

III. ВОСТОКОВЕД ПРОТИВ КАЗАХА

К сожалению, такой источник очень мало сообщает нам о главном действующем лице — загадочном и неуловимом Мамбете Калкабекове. Аулие-Атинский уездный начальник в письме своему копальскому коллеге с просьбой о проведении обыска описал его следующим образом: «Выше среднего роста, худощавый, с небольшой бородой и усами черного света, глаза большие черные, говорит немного по-русски, по киргизски грамотный».² В письме, адресованном Лыкошину, он представился «Муллой», указывая, вероятно, на полученное им религиозное образование.³ Мы знаем, что его матери было пятьдесят лет, и что после смерти отца Мамбета или развода с ним она была достаточно молода, чтобы снова выйти замуж; знаем, что упоминание Калкабекова вызвало смех у Исы Батырбекова. Кроме этого, трудно сказать что-то определенное о человеке, которого русские (и личные враги) называли «ненормальным», но который сумел подергать за нужные струны, чтобы добиться официального ответа со стороны властей. Взамен мы вынуждены обратиться к его главному оппоненту. Участие в этом деле на протяжении второй половины 1899 г. не помешало Лыкошину опубликовать статью об истории Отрара в декабре того года или один из первых переводов из стихотворного сборника Диван-и-хикмет, приписываемого Ходже Ахмаду Ясави,⁴ однако в своих публикациях он нигде, похоже, не упоминает дела Мамбета Калкабекова, что, пожалуй, неудивительно.⁵ Наряду с его природной проницательностью и энергией, очевидно, что позна-

¹ Жалоба от Хал-Ходжи Афаходжинова Лыкошину, 20 сент. 1899 г.: ЦГАРКаз, ф. 124, оп. 1, д. 7, л. 126.

² Аулие-Атинский УН Копальскому УН, 7 авг. 1899 г.: там же, л. 95–95об.

³ Мамбет Калкабеков военному губернатору Сыр-дарьинской области, 5 мая 1899: там же, л. 21.

⁴ Н. Лыкошин, «Догадка о прошлом Отара», Туркестанские ведомости, № 94, 2 дек. 1899 г.; Н. Лыкошин, «Премудрость Хазрат Султана Афирин-Ходжа Ахмада Ясави», Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области, ix, 2 (Ташкент, 1901).

⁵ Если, конечно, не считать косвенной ссылкой на него один пассаж в его рецензии на две брошюры И. В. Аничкова о казахских обычаях, опубликованной за несколько дней до сбора показаний в Высоком, где он говорит о неспособности казахов говорить правду в русских судах в связи с враждой, всегда существовавшей между отдельными партиями: Н. Лыкошин, «Библиографическая заметка», Туркестанские ведомости, № 50, 1 июля 1899 г.

ния Лыкошина как востоковеда, и, в первую очередь, его способность говорить и понимать язык тюрки, помогли закрыть это дело: именно он первым усомнился в истинности показаний Калкабекова, после того как несколько служащих русской администрации, не владевших местным наречием, приняло их за чистую монету. Именно его допросы и расследования показали, что за подложным «афганским» письмом стоит Калкабеков и, возможно, влиятельный местный политик; в то же время у него были необходимые связи в среде чимкентских улемов, чтобы собрать группу ученых мусульман, признавших документ подделкой. Читая между строк, можно догадаться, что если бы не настояния ташкентского прокурора Мичурина, очевидно, с самого начала поверившего Калкабекову, Лыкошин даже не стал бы затевать расследования. Он догадался об истинном происхождении «афганского» письма после первого же допроса жителей Высокого, а рассказам Калкабекова о Дукчи Ишане он, судя по всему, изначально не придавал большого значения. Трудно ярче продемонстрировать, какую пользу мог принести колониальной администрации опытный востоковед — в данном случае развеяв предубеждения в отношении мусульманского «фанатизма», вместо того чтобы раздувать их. Тем не менее, к тому моменту, когда Лыкошин оказался замешан в этом деле, расследование шло уже десять месяцев. Следует особо отметить количество времени и сил, ушедших на расследования по обвинениям, которые следовало бы сбросить со счетов, как только представ поговорил с тестем и с бывшей женой Калкабекова. Это тем более замечательно, что лишь тремя годами ранее, в 1895–96 гг.,

Хитроумный заговор, на расследование которого русские потратили больше года, собрав при этом 120 страниц свидетельских показаний, по всей вероятности существовал лишь в воображении казаха

в Аулие-Атинском уезде произошел похожий случай, когда деревенский староста по имени Керман Ширалин совместно с братом и с местным муллой обвинили ишана Израйл-Тура-Бека Ишанова в претензиях на королевское происхождение и подготовке восстания против русских среди «кара-киргизов» (то есть среди киргизов) Карабиральской и Урмаральской волостей. Тогда дело решилось значительно быстрее: не прошло и года, как все три обвинителя угодили на полтора года в тюрьму.¹ Но даже и в том случае расследование велось почти три месяца, и подполковник Лажечников,

Карты в действии. Образы пространства и географическая реальность

¹ «Резолюция», 24 янв. 1896 г.: ф. 149, Мировой судья 1-го участка Аулие-Атинского уезда, оп. 1, д. 16, «По обвинению киргиз Урмаральской волости Аулие-Атинского уезда Арзыкула Ширалина, Кермала Ширалина и Муллы-Галия Байкулова в ложном доносе о восстании против русских властей», л. 25–9.

в то время служивший помощником Аулие-Атинского уездного начальника, собрал 125 длинных свидетельских показаний, прежде чем догадался, что имеет дело с неуклюжей попыткой клеветы.¹ Хотя здесь задействованы другие люди, кажется странным, что служащие Аулие-Атинской уездной администрации не вспомнили про этот случай, начиная расследование по доносу Калкабекова, но в деле об этом нет никаких упоминаний. Возможно, отчасти это объясняется тем, что ведущие расследование служащие преувеличили опасность, надеясь на признание за своевременное раскрытие настоящего заговора, хотя раздражительный тон писем Аулие-Атинского начальника Ташкентскому прокурору и очевидная убежденность Лыкошина в том, что последний отправил его искать ветра в поле, свидетельствуют об обратном. Кроме того, они могли считать, что слишком легкомысленно отнеслись к предыдущему делу, в котором был замешан настоящий андижанский ишан, временно проживающий в Аулие-Атинском уезде.² После 1898 г. такое обстоятельство вызывало гораздо больше подозрений: Андижанское восстание существенно изменило взгляды туркестанских властей на ислам, и не в лучшую сторону.

IV. НАСЛЕДИЕ АНДИЖАНА

Поведение служащих русской администрации и их готовность принять за чистую монету достаточно неправдоподобную историю об интригах, которые Дукчи Ишан плетет из могилы совместно с афганским эмиром, становятся понятнее, если посмотреть на официальный отчет о расследовании по Андижанскому восстанию и на личную реакцию генерал-губернатора Духовского. Генерал-лейтенант генштаба Ф. М. Корольков, которому было поручено расследование, очень много внимания уделил предполагаемым связям ишана с международным панисламизмом. Хотя русские сами доказали, что фарман (официальное послание), полученный ишаном, как он сам считал, от османского султана, был подделкой,³ Корольков все же писал:

Уже одни эти факты указывают на то, что в Туркестане были турецкие и афганские эмиссары, а дальнейшее расследование в этом отношении дало бы, вероятно, обильные данные, подтверждающие вредную деятельность у нас выходцев из Турции и Афганистана. Деятельности этой мы обязаны весьма заметным в последнее время, фанатическим возбуждением туземного населения, проявляющимся почти повсеместно в Средней Азии в различных неприязненных действиях в отношении русских людей; так, недавно в Аулие ата киргизы завели ссору и нанесли оскорбление действием двум унтер-офицерам без малейшего повода со стороны последних.⁴

Вышеупомянутое происшествие в Аулие-Ате, возможно, усугубило легковерие служащих ее администрации в 1898 г. Настояние российских властей на том, что все признаки беспокойства непременно являются делом рук «иностранных агентов» и их упорный отказ допустить даже мысль о том, что у жителей Туркестана могут быть другие причины для недовольства колониальным правлением, конечно, не уникальны: подобные убеждения неоднократно высказывались в официальных кругах колониальной Индии (при этом русских иногда обвиняли в поддержке националистической агитации). Однако можно сказать, что отождествление ислама с особо злобным фанатизмом, красной нитью проходящее через все расследование, в Российской империи было распространено больше, чем где бы то ни было.¹ Отчасти это было связано с опасениями, возникшими ранее, во время долгой войны с чеченцами и дагестанцами на Северном Кавказе. Именно на этот опыт ссылался генерал-губернатор Духовской (в юности служивший на Кавказе) в своем столь же параноидальном (а местами откровенно невразумительном) отчете годом позже, придя при этом к следующему выводу: «Мусульмане-суфисты для нас во многих отношениях опаснее мусульман-ортодоксов».² Панисламизм также волновал его, хотя самое большое внимание он уделял нежелательному влиянию Османской империи, проникавшему к мусульманам Средней Азии через казанских татар. Такие официальные взгляды, пусть не всегда воспринимаемые всерьез в столице (Витте преимущественно игнорировал опасения и предложения Духовского),³ широко распространились в Туркестане и на остальной территории империи благодаря таким сенсационным публикациям, как «Андижанское восстание в 1898 г.» В. П. Салькова, где он, в числе прочего, обвиняет ишана в изнасиловании несовершеннолетней, благодаря многочисленным статьям в официальной газете «Туркестанские ведомости»⁴ и столь же исламофобском «Сборнике материалов по мусульманству», составленном по приказу Самаркандского военного губернатора, генерал-майора Федорова, и разосланном по всем уездным канцеляриям.⁵ Русская колониальная администрация в Туркестане с неубывающим пессимизмом рассматривала препятствия, которые ислам воздвигнул на пути ее долгосрочной цели — ассимиляции региона с остальной империей, и была глубоко озабочена угрозой русскому владычеству со стороны ислама вплоть до восстания 1916 года.

Некоторые русские служащие понимали, насколько неэффективен такой подход: в статье, опубликованной в «Историческом вестнике» в 1908 году на десятую годовщину восстания, автор под псевдонимом «Т-ов» высмеял официальную версию, согласно которой Андижанское восстание было плодом неистребимого местного фанатизма, раздуваемого призрачными «посланцами» от ос-

Карты
в действии.
Образы
пространства
и географическая
реальность

¹ ЦГАРКаз, ф. 433, Мировой судья 2-го участка Аулие-Атинского уезда, оп. 1, д. 1, «По обвинению мусульманского князя Израил Ишан Бекишанова, его сына Камалдина Израйлого — и казаха Аулие-Атинского уезда Бай-Сейит Кулжабекова, Ширбая Мамбетова и Айдаша Найманбаева за подготовку восстаний против русских» том. i, л. 17–159; том. ii, л. 8–54.

² «Протокол», 5 март. 1895 г.: ЦГАРКаз, ф. 149, оп. 1, д. 16, л. 57об–58. Этот случай интересен во многих отношениях и заслуживает дальнейшего изучения. Здесь, как и в случае Калкабекова в 1899 г., обвинители попытались вложить свой донос в уста местных переселенцев, а именно меннонитов из деревни Орловка. Более того, «Израил-Бек-Тура», ферганский ишан, женатый на киргизке, который посещал Аулие-Атинский уезд раз в два года и очевидно имел там много последователей, сам по себе является любопытной фигурой, даже если он не интриговал против русских.

³ Komatsu, 'Andijan Uprising Reconsidered', 42.

⁴ Ф. М. Корольков, «Отчет по расследованию обстоятельств туземцев Ферганской области в мае 1898 г.», Ташкент, 3 авг. 1898 г., 18. По заказу Духовского было отпечатано не менее ста экземпляров этого отчета. Я пользовался тем, который хранится в РГВИА, ф. 483, оп. 1, д. 137; большая часть отчета перепечатана в «Андижанском восстании 1898 г.», ред. Штейнберг, 144–60, цитата на с. 154.

¹ Во всяком случае, на Кавказе и в Туркестане — об альтернативном взгляде на примере Волжско-Уральского региона, см. Robert D. Crews, *For Prophet and Tsar: Islam and Empire in Russia and Central Asia* (Cambridge, Mass., 2006), chs. 1–3.

² Духовской, «Всеподданнейший доклад Туркестанского генерал-губернатора», 149–51; не исключено, что доклад Духовского был подготовлен В. П. Наливкиным и Н. П. Остроумовым — еще двумя востоковедами, служившими в администрации Туркестана: Бабаджанов, «Андижанское восстание 1898 г. и «мусульманский вопрос» в Туркестане», 166–77. О преувеличенной роли, которую приписывали суфийскому братству Накшбандийа в подстрекательстве к сопротивлению российскому правлению, см. Alexander Knysh, 'Sufism as an Explanatory Paradigm: The Issue of the Motivations of Sufi Movements in Russian and Western Historiography', *Die Welt des Islams*, xlii (2002).

³ «Записка С. Ю. Витте по «мусульманскому вопросу» 1900 г.», Императорская Россия и мусульманский мир, ред. Арапов, 244–57.

манского султана и афганского эмира. Указывая, что настоящие «фанатики» редко встречаются среди населения Туркестана и что доказательства иностранного, панисламского влияния до смешного несостоятельны, автор статьи утверждал, что ишана и его последователей тревожило моральное разложение, которое они видели повсюду в Туркестане—примером тому может послужить распространение пьянства и проституции при российским правлении.¹

¹ «Т-ов», «Андижанское восстание и его причины», *Исторический Вестник*, № .5 (1908), 664–6.

Официальное следствие, произведенное с целью раскрытия истинной причины восстания 1898 года, выяснило, что эта причина заключалась почти исключительно в фанатизме мусульман, имеющем в своем основании религиозную нетерпимость к своим повелителям—кяфирам; тлевший в населении фанатизм ждал лишь благоприятного случая, чтобы развиться в пламя. В официальных делах посему андижанская резня ставилась в исключительную зависимость от появления ишана, его всеобщей популярности, намекалось на участие в этом деле турецкого султана и афганского эмира, но далее этого не шло. Власти, выяснявшие причины этого прискорбного эпизода, по упущению или же умышленно, совсем исключали возможность того, что недовольство вообще проявляется лишь там, где для этого есть благоприятная почва.²

² Там же, 664.

Он также писал, что все проблемы—и те, которые привели к восстанию, и те, которые помешали предусмотреть его,—были связаны с неадекватной подготовкой кадров русской администрации, уездных и полицейских начальников: после вступления в силу нового положения об управлении Туркестанским краем в 1886 г. среди них поощрялось восприятие ислама как опасного фанатичного врага и пренебрежительное отношение к моральным догмам шариата. «Т-ов» ссылался на то время, которое ему представлялось золотым веком Туркестанского края—правление первого генерал-губернатора К.П. фон Кауфмана, когда отношение к исламу было более терпимым (на самом деле Кауфман, как следует из его действий, записей и сохранившихся высказываний, был глубоко убежден в мусульманском «фанатизме», хотя и считал, что его политика «игнорирования» примирила Туркестан с российским владычеством и, в конце концов, позволит убедить мусульман оставить свою веру).³ Кто такой «Т-ов»—полной уверенности нет, но очень похожую критику российской политики можно найти в мемуарах 1914 года самаркандского администратора А.И. Термена.⁴ Востоковед и администратор В.П. Наливкин—еще один возможный вариант: Сергей Абашин недавно продемонстрировал, что Наливкин пережил нечто вроде политического и морального откровения в 1905–6 гг. и из верного и блестящего приверженца колониального режима превратился в радикального социалиста и одного из его жестких критиков.⁵ Кем бы ни был на самом деле анонимный автор, его интерпретация причин Андижанского восстания немед-

³ Проект всеподданнейшего отчета Ген.—Адъютанта фон-Кауфмана по гражданскому управлению (Санкт-Петербург, 1885), 10; Н.П. Остроумов, Константин Петрович фон-Кауфман: устроитель Туркестанского края. Личные воспоминания 1887–1881 гг. (Ташкент, 1899 г.), 11; Khalid, *Politics of Muslim Cultural Reform*, 51–3.

⁴ А.И. Термен, *Воспоминания администратора: опыт исследования принципов управления инородцев* (Петроград, 1914), 3–4, 20; о Термене и его книге см. Morrison, *Russian Rule in Samarkand*, 151–7.

ленно вызвала полемику. Несколькими неделями позже Лыкошин, теперь уже начальник Хужандского уезда Самаркандской области, опубликовал длинное опровержение инсинуаций Т-ова в официальной газете «Туркестанские ведомости». Прежде всего, Лыкошин признал, что не только ишан жаловался на «моральное разложение», вызванное российским владычеством.

Это обвинение не раз приходилось выслушивать от знакомых туземцев всякому русскому, долго живущему в крае. «Вы дали нам пьянство, узаконили существование домов терпимости, ослабили в народе страх перед преступлением» говорят наши обвинители. Нельзя поэтому не согласиться с автором разбираемой статьи, цитирующим показания ишана Мадали, что ослабление в крае нравственности, или, вернее, порядка и благопристойности, в руках ишана Мадали явилось могучим средством и значительным поводом для борьбы против русского владычества.¹

Однако Лыкошин считал, что это лишь одна из причин восстания, и далеко не самая главная. По его мнению, важнейшие причины (в порядке убывания значимости)—это:

1. Дикость ферганских киргизов.
2. Мусульманский фанатизм.
3. Дурное влияние туземных официальных лиц, настроенных против интересов России, некоторые из которых приложили свои печати к прокламации Дукчи Ишана.
4. «Каменная стена» туземной администрации, которая закрывала Туркестанскому туземному населению доступ к истинным благам русской цивилизации.

Взгляды Лыкошина по этому последнему пункту через несколько лет повторил и более пространно изложил Наливкин, также сожалевший о существовании того, что он называл «живой стеной», разделяющей правящих и подданных.² Презрительное и подозрительное отношение русских к классу туземных администраторов, который они сами создали,—общее место в опубликованных и архивных источниках того времени; вероятно, оно сыграло свою роль в решении властей оставить без внимания обвинения в краже скота, выдвинутые против их осведомителя Мамбета Калкабекова местным судьей и другими официальными лицами. Но если отвлечься на некоторое время от этого аспекта, то в свете того, что нам известно о роли Лыкошина в сотрудничестве с улемами с целью успокоить страхи перед «фанатизмом» и панисламским заговором непосредственно после Андижанского восстания, его анализ в данном случае кажется странным. Казалось бы, личный опыт должен был научить его, что убежденность русских в пого-

Карты в действии. Образы пространства и географическая реальность

¹ Н.С. Лыкошин, «К десятилетия Андижанской резни (1898–1908 г.)», *Туркестанские ведомости*, № .115, 30 мая 1908 г.

² Наливкин, «Туземцы, раньше и теперь», 71.

ловном «фанатизме» их мусульманских подданных ошибочно и, более того, вредна для хорошей администрации. Тем не менее, он высказывает те же самые предубеждения. Я думаю, есть как минимум два ключа к этой головоломке, отдельные элементы которых разбросаны в настоящей статье и в других трудах самого Лыкошина. Вместе они проливают любопытный свет на позднеимперскую «официальную ментальность» русского Туркестана.

V. ЛЫКОШИН, ИСЛАМ И ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ

В некоторых ранних статьях, написанных под псевдонимом для самаркандской газеты «Окраина», Лыкошин критикует крымско-татарского реформатора Измаила Бея Гаспирали, обвиняя его в сепаратизме и сепаратизма среди российских мусульман.¹ Лыкошин видит в исламе, даже в его модернизированной форме, непреодолимое препятствие для принятия среднеазиатским населением русских ценностей «гражданственности», и, хотя его понимание ислама со временем стало глубже, в этом вопросе он остался стоять на своем. Однако представления Лыкошина об исламском «фанатизме» не обязательно предполагали насилие или бездумные предубеждения:

Отрицать мусульманский религиозный фанатизм нельзя. Чувство недовольства иноверным правительством, или, лучше сказать, недовольство подчиненным такому правительству положением всегда жило и будет жить в народном сознании уже потому, что Ислам, трактуя об отношениях между мусульманами победителями и побежденными иноверцам (зиммийи), ни одним словом не говорит о том, как побежденные мусульмане должны относиться к победителям иноверцам. Этого вовсе не предполагалось и потому такие отношения не регламентированы. При таких условиях ожидать любви и преданности было-бы наивно.²

Таким образом, Лыкошин подходит к этому вопросу очень буквально: несмотря на собственный непосредственный опыт многочисленных сдвигов и приспособлений ислама к колониальному правлению в Туркестане, он предпочитает ссылаться на недостаток соответствующих санкций и регулирующих механизмов в священных текстах, что, на его взгляд, делает истинное примирение невозможным. Востоковедные навыки Лыкошина, несомненно, сделали из него гораздо более эффективного администратора, и позволили ему разобраться в таких вещах, которые путали и сбивали с толку других русских чиновников в регионе. Но в то же время, они, возможно, мешали ему заметить тот факт, что кроме

Андижанского восстания религиозно мотивированное сопротивление российскому правлению в Туркестане с 1870-х годов было на удивление слабым: складывается впечатление, что его прочтение исламских текстов взяло верх над личным опытом.

Еще одна возможная причина — политическая подоплека позиции Лыкошина. Его размышления по поводу десятилетия андижанских событий были частью гораздо более широкого обсуждения, шедшего с середины 1880-х годов, по вопросу необходимости административной реформы в Туркестане и готовности региона к большему «сближению» в форме гражданского управления.¹ Пока шел этот спор, граф Константин Константинович Пален проводил в Туркестане сенаторскую ревизию, и обсуждение реформ возобновилось с новой силой.² Лыкошин в начале своей статьи упоминает возможность введения гражданского управления, и многие его аргументы, ссылающиеся на неистребимый исламский «фанатизм», очевидно призваны противостоять этой идее.³ Вместо этого он призывал к отмене выборов в туземную администрацию (это мнение разделяли многие русские администраторы)⁴ и к более взыскательному отбору кадров, назначаемых на административные посты:

Если обрусение, хотя-бы несколько насильственное, поставлено будет целью нашей здесь политики, тогда всем и нужно действовать солидарно, в одном и том-же направлении прилагая усилия... Администрация должна быть русская, непременно русская, в должностях, начиная с полицейского пристава, но личный состав должен быть тщательно подобран и хорошо поставлен. Тщательно подобрать состав администрации при настоящих условиях жизни можно только значительно увеличив содержание, но за то повысив и требования, предъявляемая к тем лицам, которые пожелают занять административные должности.⁵

Затем Лыкошин вспоминает былые времена, когда, по его словам, легче было привлечь хороших офицеров к работе в администрации благодаря большей разнице в жаловании в администрации и на простой военной службе; он также жалуется на то, что теперь уездные начальники все время сидят в кабинете, заполняя канцелярские формуляры, вместо того, чтобы лично заниматься управлением вверенными им уездами — подобные жалобы хорошо знакомы тем, кто изучал индийскую гражданскую службу и претензии к ней в ту же эпоху.⁶ В первую очередь, однако, Лыкошин выступал за неукоснительное продолжение военного режима без таких институтов, как земство (местные выборное собрание) или гражданские суды, которые ослабили бы отеческий авторитет таких офицеров, как он сам:

¹ «Миршаб», «Война с неверными и воинствующий татарский листок», Окраина, № 232 (1890); № 9, 42 (1891). Ранее я ошибочно идентифицировал автора этих статей как писателя-исламофоба Мирослава Миропиева, потому что тон их гораздо жестче, чем в более поздних публикациях Лыкошина, но Басханов предполагает, что Лыкошин напечатал в Окраине и другие статьи под псевдонимом «Миршаб» (ночной сторож): Morrison, *Russian Rule in Samarkand*, 76; Басханов, *Русские военные востоковеды*, 146.

² Лыкошин, «К десятилетию Андижанской резни», *Туркестанские ведомости*, № 116, 31 мая 1908 г.

¹ *Сближение — процесс, предполагающий инкорпорирование нерусских пограничных территорий и народов в основной состав империи. По этому вопросу, см. Daniel Brower, *Turkestan and the Fate of the Russian Empire* (London, 2003).*

² *См. Mission to Turkestan: Being the Memoirs of Count K. K. Pahlen, 1908–1909, ed. Richard A. Pierce, trans. N. J. Couriss (London, 1964); Сенатор Гофмейстер, граф К. К. Пален, Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелению..., 20 т. (Санкт-Петербург, 1910–11), и приложения. Отчет комиссии Палена остается неоценимым источником материалов для исследователей истории Туркестана, но ее скромные предложения по распространению гражданских институтов на этот регион были задавлены бюрократическим сопротивлением в Ташкенте и в Петербурге.*

³ Лыкошин, «К десятилетию Андижанской резни», *Туркестанские ведомости*, № 115, 30 мая 1908.

⁴ Morrison, *Russian Rule in Samarkand*, 193–5.

⁵ Лыкошин, «К десятилетию Андижанской резни», *Туркестанские ведомости*, № 116, 31 мая 1908 г.

⁶ David Gilmour, *The Ruling Caste: Imperial Lives in the Victorian Raj* (London, 2005), 215–17.

Как клин можно вышибить только клином, так и эту, нажитую веками, подозрительность народа можно парализовать только искренним, сердечным отношением к завоеванному нами народу, а против такой силы, как искренность и доброжелательство не устоит ни мусульманский фанатизм, ни косность туземного населения.¹

¹ Лыкошин, «К десятилетию Андижанской резни», Туркестанские ведомости, № 116, 31 мая 1908 г.

В апреле 1916 г., незадолго до восстания, которое фактически положило конец старому колониальному режиму в Туркестане, Лыкошин опубликовал свои «воспоминания» (большую часть их составляют ранее опубликованные тексты).² Хотя он утверждал, что состоятельные и образованные мусульмане Туркестана уже осознали преимущества русского владычества, и сохранял безмятежную уверенность в том, что блага, принесенные русской цивилизацией, в конечном счете, подорвут ислам, Лыкошин все же выражал беспокойство по поводу приверженности туземцев к мусульманской вере, их манеры (как ему представлялось) делить мир на две совершенно отдельные сферы—верующих и кафи́ров, и их неспособности оценить преимущества русской цивилизации или гражданственности.³

² Хвалебную предварительную рецензию на эту книгу опубликовала американка-миссионер Элеонора Диксон — судя по всему, большая поклонница Лыкошина: Элеонора Диксон, «Полжизни в Туркестане», Туркестанский курьер, № 63, 19 март. 1916 г.

³ Лыкошин, «Полжизни в Туркестане», 5–16.

VI. МЯТЕЖ И РЕВОЛЮЦИЯ

Размышляя о своей карьере в 1919 г., уже в совсем иной политической обстановке, Лыкошин пишет, что всегда видел свой долг в сближении русских и туземцев.⁴ Он, несомненно, отличался от большинства царских администраторов знанием местных языков и культуры Средней Азии. Кроме того, как мы уже видели, он на собственном административном опыте убедился, какая неразбериха может возникнуть на почве невежества и паранойи властей. Тем не менее, даже он сохранял уверенность, что ислам по природе своей является наиболее вероятным стимулом для восстания и основным препятствием для упрочения российского правления в регионе. Поэтому он не замечал более актуальных причин для недовольства в Туркестане, набравшего силу в начале 1900-х и достигшего кульминации в момент восстания 1916 г., а именно передачи плодородных земель и пастбищ русским крестьянам-переселенцам, повышенного налогообложения в военное время и, наконец, рокового решения распространить воинскую повинность на мусульманское население Туркестана.⁵ Лыкошин был членом комиссии, составлявшей протоколы призыва в июле 1916 г., и не предвидел никакого существенного, а тем более вооруженного, сопротивления.⁶ При таких обстоятельствах совершенно неудивительно, что последовавший мятеж застал колониальную администрацию врасплох, но миф об исламском заговоре продолжал

⁴ Центральный Государственный Архив Республики Узбекистан (далее ЦГАРУз), ф.Р-2499, «Лыкошин, Нил Сергеевич», оп.1, д.4 «Жизнеописание», 8 фев. 1919, л. 1; пользуюсь случаем выразить глубокую благодарность Шийой Акифуми за разрешение воспользоваться копией этой короткой автобиографии, хранящейся теперь в личном фонде Лыкошина в узбекских архивах, где я в настоящий момент лишен возможности работать.

⁶ Brower, *Turkestan and the Fate of the Russian Empire*, 157.

существовать. В официальном докладе царю о причинах восстания новый генерал-губернатор Алексей Куропаткин по-прежнему ссылается на роль улемов в разжигании мятежа, а также на немецких, турецких и афганских агентов.¹ Сам Лыкошин тоже считал, что тут не обошлось без панисламизма,² но для него это восстание в первую очередь означало решительное отвержение цивилизаторской миссии России. В конечном счете, он винил в этом своих сослуживцев: «В течение пятидесятилетия нашего присутствия в крае мы не успели получить доверие туземцев, для которых русские остались “неверными”».³ Те русские администраторы—более образованные, лучше оплачиваемые, более просвещенные, владеющие языком тюрки—которые, как предполагал Лыкошин в своей статье об Андижанском восстании восемь лет тому назад, помогут сократить и преодолеть этот разрыв, так и не материализовались.

Хотя Лыкошин не сумел предвидеть восстания, он смог воспользоваться своими лингвистическими навыками, чтобы разрядить обстановку в Самарканде, который не присоединился к мятежу. В качестве военного губернатора он также успешно подавил чрезвычайно ожесточенное восстание в Джизакском уезде, где сорок девять поселков были полностью или частично сожжены, включая центр Джизака.⁴ После революции Лыкошин утверждал, что не был лично ответственен за это, и что он на самом деле помогал жителям Джизака избежать экспроприации, когда генерал Куропаткин проводил безжалостную политику изгнания мусульман и замены их русскими поселенцами, «где лилась Русская кровь».⁵ В январе 1917 г. Лыкошин был снят с поста военного губернатора Самарканда—возможно, потому, что не сошелся в этом вопросе с Куропаткиным,⁶ хотя непосредственной причиной увольнения, похоже, стала его попытка заморозить цены на сахар на Самаркандских базарах.⁷ Позднее Лыкошин сам напишет, что его отставка была связана с пошатнувшимся здоровьем в результате сорока лет службы в «пыли и жаре палящего южного солнца».⁸ Это обстоятельство и, вероятно, тот факт, что он оставил свой пост еще до февральской революции, позволили ему поначалу избежать нападков, которые обрушились в тот момент на Куропаткина и многих других царских администраторов Туркестана.

Несколько ограниченные «прогрессивные» взгляды Лыкошина не поспедали за развитием событий. В марте 1917 г. он опубликовал статью, демонстративно адресованную «гражданам туземцам» (но, очевидно, предназначенную для более широкого круга русских читателей), в либеральной ежедневной газете «Туркестанский курьер», где он размышляет о значении гражданства, которое временное правительство собиралось дать жителям Туркестана. Здесь он снова ссылается на Андижанское восстание, признавая, что оно продемонстрировало недовольство многих «туземцев» русскими

¹ «Восстание 1916 г. в Средней Азии», ред. П. Галузо, Красный архив, xxxiv (1929), 75.

² Brower, *Turkestan and the Fate of the Russian Empire*, 159.

³ «Протокол совещаний по рассмотрению основных положений о управлении», сент. 1916 г.: ЦГАРУз, ф. I-1, «Канцелярия Туркестанского Генерал-Губернатора», оп.27, д. 296, л. 115–116об, 125, цитируется в Brower, *Turkestan and the Fate of the Russian Empire*, 6.

⁴ Richard A. Pierce, *Russian Central Asia, 1867–1917: A Study in Colonial Rule* (Berkeley, 1960), 273; «Джизакское восстание в 1916 г.», ред. А. Шестаков, Красный Архив, Ix (1933), 91.

⁵ Нил Лыкошин, «Гражданин Редактор!», Туркестанский курьер, № 188, 28 авг. 1917 г. Учитывая то, что в тот момент Лыкошин пытался защитить свою репутацию во враждебной послереволюционной обстановке, трудно сказать, насколько можно верить таким утверждениям.

⁶ Перед своим возвращением в Туркестан в качестве генерал-губернатора, Куропаткин получил от генерала Похотило, бывшего губернатора Семиречья, предостережение в отношении Лыкошина. В дневниковой записи от 23 июля 1916 г. Куропаткин называет Лыкошина «слепым» (и делает ошибку в его фамилии): «Восстание 1916 г. в Средней Азии», ред. Галузо, 46. по рассмотрению основных положений о управлении», сент. 1916 г.: ЦГАРУз, ф. I-1, «Канцелярия Туркестанского Генерал-Губернатора», оп.27, д. 296, л. 115–116об, 125, цитируется в Brower, *Turkestan and the Fate of the Russian Empire*, 6.

Суфизм,
панисламизм
и информационная
паника

порядками, в особенности упадком общественной нравственности и злоупотреблениями местной администрации. Его оценка мятежа 1916 г. гораздо более сурова:

Нашим согражданам-туземцам предъявляется требование исполнить самую малую часть их долга по отношению к родине, в годину небывалого военного бедствия. Туземцы наши гражданами никогда не были, они всегда были только членами одной все-мусульманской религиозной общины, независимо от того в границах какого государства им приходилось жить.¹

Лыкошин объясняет такое невыполнение долга и последовавшее за этим кровопролитие отчасти недостаточным отождествлением с государством, но в то же время и неадекватными действиями властей, допустивших распространение слухов и паники. Он снова сетует на нехватку офицеров, владеющих местными наречиями, и в завуалированной форме критикует действия Куропаткина при подавлении мятежа. Наконец, он описывает политическую встречу, недавно прошедшую в Самарканде, где бывшие члены туземной администрации, уволенные за коррупцию при старом режиме, поносили русских и требовали контроля над городским управлением, и предупреждает, что представительство, пропорциональное составу городского населения, в Ташкентской Думе (которое, как он пишет, неизбежно) приведет к существенному большинству туземцев с непредсказуемыми последствиями. Несмотря на этот скептицизм, 18 августа, в результате странного поворота событий, его выдвинула на пост мэра Ташкента консервативная мусульманская партия Улама Джамияти.² Это вызвало бурный протест со стороны джаидов (мусульман-реформаторов) и социалистов в Думе,³ и еще одно длинное самооправдательное письмо Лыкошина редактору «Туркестанского курьера»:

Я еще раз утверждаю, что при старом правительстве много лет я служил Туркестану и только ему одному. Попав сюда на службу молодым, 19-летним офицером я неустанно изучал этот край. Я знаю его язык, как свой, знаю всю жизнь туземцев, как она есть... Я лично не боюсь этой ответственности: тот, кому нечего стыдиться в своей прошлой деятельности, не должен бояться клички «бывшего губернатора». С оглашаясь на предложение партии «Улема», я с радостью и надежной думал о том, что в думе—органе городского самоуправления, призванном возродить Ташкент, пригодятся мои знания и я, может быть, буду не последним работником. Но если партии, начавшие дело непримиримой борьбы рассчитывают сделать думу ареной этой борьбы в будущем то, конечно, и надежды мои и радость напрасны.⁴

После этого эпизода он благоразумно держался в тени. Хотя в точности неизвестно, чем он занимался до конца 1917 года, Лыкошин пережил захват власти большевиками и был впоследствии

взят на службу новым режимом в качестве «эксперта» по Туркестану, работал переводчиком и учителем. Некоторое время он преподавал тюркские языки и этнографию в новом «Университете трудящихся Востока», основанном в Ташкенте в 1918 г., а затем стал профессором в Самаре, на Волге, где он и умер в 1922 г.¹

VII. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Количество важных вопросов, возникающих в связи с этим делом (надо признать, довольно-таки объемном), говорит о том, какой непочатый край материалов до сих пор хранят среднеазиатские архивы. На самом примитивном уровне этот ряд петиций, писем и свидетельских показаний позволяет заглянуть в дремучий лес политики «туземной администрации» русского Туркестана, полной фракционизма, междоусобиц и мошенничества, которую русским очень трудно было понимать и контролировать и которая отнимала у администрации огромное количество времени.

Весьма вероятно, что все это пухлое досье и полтора года переписки и расследований, являются плодом какого-то недопонятого спора между туземными администраторами, и хотя в данном случае средства привлечения внимания колониальных властей отличаются особенной замысловатостью и изобретательностью, в остальном эти материалы представляют собой типичный пример документации, преобладающей в архивах канцелярии русского Туркестана: многословные и запутанные обвинения, заявления и петиции, месяцы расследований и очень скромный конечный результат.² В конце концов, единственным конкретным исходом, с точки зрения администрации, стало обнаружение Лыкошиным надомного—и, вероятно, весьма доходного,—производства поддельных печатей в Сайраме. Осмотр печатей, найденных в ларце Муллы Мухаммада Юсуфа, показал, что они представляли собой прекрасные копии печатей бывших правителей и казиев Коканда, бывших в пользовании с 1815 по 1871, хотя большинство из них относилось к 1840-м годам. На самом деле, по качеству они настолько превосходили грубую имитацию «королевской» печати на «афганском» письме, что можно даже сделать вывод о непричастности Муллы Мухаммада Юсуфа к данной конкретной подделке.³

Благодаря ссылкам на кражу скота и практически полной уверенности в том, что Калкабеков подкупил жителей села Высокое, чтобы скрыть свою причастность к появлению «афганского» письма, эти материалы также проливают свет на повседневные сношения между русскими поселенцами и казаками на рубеже веков—предмет до сих пор малоисследованный, но принципиально важный для понимания кровавых событий 1916–17 гг. в Семиречье

¹ Н. С. Лыкошин, «Граждане туземцы!», Туркестанский курьер, № 63, 19 марта 1917 г.; цитируется в Khalid, *Politics of Muslim Cultural Reform*, 249–50, хотя Халид несколько недооценивает двойственность позиции Лыкошина в этой статье.

² Джеф Сахадео предполагает, что это было тактическое решение со стороны Улама Джамияти: сохранить существующий социальный строй в мусульманском Ташкенте с помощью консервативно настроенных русских союзников; см. Jeff Sahadeo, *Russian Colonial Society in Tashkent, 1865–1923* (Bloomington, 2007), 196, 277; см. также Буттино, *Революция наоборот*, 166–7; я не уверен, что Буттино прав, называя Лыкошина «монархистом».

³ «Городская Дума», Туркестанские ведомости, № 122, 20 авг. 1917; «Городская Дума», Туркестанский курьер, № 186, 20 авг. 1917.

⁴ Нил Лыкошин, «Гражданин Редактор!», Туркестанский курьер, № 188, 28 авг. 1917 г.

¹ «Жизнеописание», 8 фев. 1919 г.: ЦГАРУз, ф. Р-2499, оп. 1, д. 4, л. 2–3; Лунин, «Нил Сергеевич Лыкошин», 221–2.

² См. Morrison, *Russian Rule in Samarkand*, ch.5; здесь я хотел бы добавить, что хотя в деле и не содержится никаких указаний на судебные преследования, и в описи документов Чимкентского и Аулие-Атинского мировых судов нет записей о предъявлении иска кому-либо из действующих лиц, велика вероятность, что любой подобный иск рассматривался бы в Ташкентском областном суде, чьи архивы хранятся в Центральном государственном архиве республики Узбекистан, где я лишен возможности работать с 2003 г. С другой стороны, если бы действительно имело место судебное преследование, то оригинал «афганского» письма и другие улики, содержащиеся в деле, скорее всего, перекочевали бы из Чимкента в Ташкент.

³ «Протокол № 13», 16 сент. 1899 г.: ЦГАРКаз, ф. 124, оп. 1, д. 7, л. 117–18. Такого рода махинации, похоже, были широко распространены в южной степи: в 1897 г. подложный «тимуридский» вакфнаме (дарственная на имущество) был предъявлен русским властям и вводил востоковедов в заблуждение вплоть до 1940х гг. «Вакуфная грамота Тамерлана (в извлечении), данная мечети Хазрята Яссави», 29 авг. 1897 г., Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии, ii (1896–7), 1–4. См. также Devin DeWeese, 'The Politics of Sacred Lineages in 19th-Century Central Asia: Descendant Groups Linked to Khwaja Ahmad Yasavi in Shrine Documents and Genealogical Charters', *International Journal of Middle-East Studies*, xxxi (1999), 508–9.

и Сырдарьинской области. Двое русских поселенцев, давших показания, очевидно, считали, что их рассказ о походе в ближайший аул за кумысом покажется колониальным властям правдоподобным—это говорит о том, что поселенцы отчасти зависели от своих соседей-казахов и не отказывались от экспериментов с местными (да, в сущности, и любимыми другими) алкогольными напитками, но многое в рассказе указывает на определенную напряженность в отношениях между этими двумя группами: готовность матери и дочери поверить, что живущие в округе казахи собираются всех их перебить, или первоначальная вера сельчан в истинность рассказа Мамбета Калкабекова о спрятанном оружии. В данном случае все благополучно закончилось пиршеством, подогретым водкой, но семь лет спустя прямое железнодорожное сообщение через степь с европейской частью России и все более агрессивная политика Переселенческого Управления приведут к значительному увеличению числа русских переселенцев, что еще больше осложнит отношения с кочевым населением. Надо признать, однако, что межэтнические столкновения в 1916 году были гораздо кровопролитнее в Семиречье, чем в Сырдарьинской области.

Нельзя не отметить и того, какой свет данные материалы проливают на характер слухов об Андижанском восстании в других районах Туркестана и на рассказы, ходившие об ишане до и после его смерти. Если история о том, как ишан контрабандой снабжал огнестрельным оружием казахов Чимкентского и Аулие-Атинского уездов,—почти наверняка чистая выдумка Калкабекова, то его рассказы о самом ишане, его чудесах и духовном авторитете навряд ли являются его собственным изобретением. Хотя он мог почерпнуть их и из русских источников, скорее всего, русской грамотой он не владел, и они напоминают содержание Манакиб-и Дукчи Ишан—текста, написанного с целью обеспечить поддержку восстанию за счет демонстрации сверхъестественной способности ишана уничтожать врагов и вознаграждать друзей,—который Калкабеков вполне мог прочесть.¹ Не исключено, что идея зародилась у него благодаря контакту с одной из версий этого текста или другой формы религиозной пропаганды, которую сторонники Ишана распространяли в преддверии восстания.

Куюкская волость, где жил Калкабеков, находилась на южной оконечности Аулие-Атинского уезда, на границе с районами, где значительную долю населения составляли киргизы, среди которых вполне могли быть приверженцы ишана. Калкабеков упоминает некоего загадочного «Тугулбая», который якобы регулярно отправлялся через перевалы в Ферганскую долину, и вполне возможно, что у казахов южной степи было больше связей с оседлыми и кочующими жителями Ферганской долины, чем принято считать. Израил-Ишан, с которого в конечном счете сняли обвинение

¹ Манакиб-и Дукчи Ишан, ред. фон Кюгельген, пер. Бабаджанов, 14 (пред. Редактора); Komatsu, 'Andijan Uprising Reconsidered', 50–1.

в подстрекательстве к восстанию в 1895–96 гг., родился в деревне Дарбак Аймской волости Андижанского уезда, и у него, очевидно, было много сторонников как среди киргизов, так и среди казахов, проживавших в этом районе. На допросе он заявил, что на протяжении предшествующих тридцати лет, почти с того момента, когда он в возрасте 16 лет получил в наследство от отца титул ишана, он приезжал в Аулие-Атинский уезд каждые два года, когда киргизы спускались сюда с гор на зимние стоянки.¹ Его сопровождали его последователи из Оша и Андижана, а некоторые из допрошенных русскими казахов сопровождали его на обратном пути из Аулие-Аты в Андижан.² Трудно сказать, являются ли такие тесные религиозные связи плодом того периода, когда весь регион находился под властью Коканда, но возможно, что это общее политическое наследие также сыграло свою роль: во всяком случае, в 1875 г., в момент восстания (по крайней мере, отчасти религиозно мотивированного), вспыхнувшего в Ферганской долине против последнего Кокандского хана Худояра, начальник Аулие-Атинского уезда отметил существенное волнение и беспокойство в своем уезде.³ Если вспомнить, что как высокопоставленный чиновник царской «туземной администрации» Иса Батырбеков имел, по крайней мере, часть того влияния, которым пользовался его отец в качестве Кокандского дадха, то представляется вполне возможным, что призрачное влияние погибшего ханства сохранялось даже в степных районах, где, как принято считать, корни его были неглубоки.

¹ «Протокол», 2 март. 1895 г.: ЦГАРКаз, ф. 433, оп. 1, д. 1, л. 23–4.

² Там же, л. 49–51об.

³ Аулие-Атинский УН военному губернатору Сырдарьинской Области, 18 авг. 1875 г.: РГВИА, ф. 1396, оп. 1, д. 91, «О военных действиях в Кокандском ханстве», л. 140–1.

*Семь лет спустя прямое железнодорожное
сообщение через степь с европейской частью
России и все более агрессивная политика
Переселенческого Управления приведут
к значительному увеличению числа русских
переселенцев, что еще больше осложнит
отношения с кочевым населением*

Хотя нам неизвестно, сколько еще казахов слышали об ишане и его чудесах, это, тем не менее, ставит под сомнение взгляды Манц на Андижанское восстание как на племенной мятеж местного значения.⁴ Хотя кровопролитие не распространилось за пределы Андижана, Оша и непосредственно прилегающих территорий, данные материалы указывают на то, что в более низких слоях общества истории о чудесах и духовном лидерстве Дукчи Ишана имели гораздо больший резонанс и распространились за пределы

⁴ Manz, 'Central Asian Uprisings', 269–7.

религиозного сообщества, которое он основал в восточной Фергане, и тех узбеков и киргизов, которые пошли за ним в атаку на Андижанский гарнизон. Хисао Комацу уже показал, что подробные сведения о восстании достигли Самарканда и Ташкента, а Бабаджанов пишет, что относительный мир и новые формы коммуникации, которые российское правление принесло в Туркестан, вполне могли способствовать распространению пропаганды ишана.¹ Настоящие материалы служат дополнительным доказательством того, что ишан обладал определенным религиозным и нравственным авторитетом за пределами Ферганской долины и не был просто местным политическим лидером.

Калкабеков, без сомнения, прекрасно понимал, что российские власти непременно клюнут на истории о влиянии Дукчи Ишана среди казахов и что этим можно воспользоваться как оружием против врагов. Что же касается идеи подделать и пустить в оборот письмо от Эмира «Абд аль-Рахмана Хана или его сына, то весьма вероятно, что она родилась из осведомленности об истолковании причин Андижанского восстания российскими официальными лицами, а может быть, даже из знакомства с официальным отчетом, содержащим ссылки на «посланцев» афганского эмира, которые так точно отражены в тексте письма. Это, в свою очередь, указывает на причастность кого-то хорошо знакомого со спецификой работы российской администрации, вроде состоятельного бывшего волостного администратора Изы Батырбекова, хотя полной уверенности у нас быть не может. Чья бы это ни была ответственность, вся история демонстрирует замечательную способность играть на двойном страхе русских перед суфийским «фанатизмом» и современным панисламизмом. Норихиро Наганава отметил похожую тактику среди татар Казанской области, где в 1905 г. группа сельчан, стремясь избавиться от своего муллы, заявила, что он был последователем Дукчи Ишана (мулла в ответ объявил своих обвинителей панисламистами).² Этот эпизод, однако, имел место в регионе, уже более трехсот лет находившимся под российским управлением, и определенное знакомство с русскоязычной государственной сферой в данном случае неудивительно. Подобное явление (причем в более изоцированной форме) среди казахов в регионе, завоеванном лишь сорок лет тому назад, гораздо более неожиданно. Если русские часто жаловались, что среднеазиатское общество остается для них закрытой книгой (в конце концов, их антиисламская паранойя возникла на почве невежества), то, по крайней мере, некоторые азиаты прекрасно понимали образ мыслей своих колониальных правителей и могли манипулировать их страхами в собственных интересах с относительной легкостью. Можно ли видеть в этом возникновение «единого колониального общества» — спорный вопрос, но очевидно, что после тридцати лет

¹ Komatsu, 'Andijan Uprising Reconsidered', 30, 42–3, 55; Бабаджанов «Андижанское восстание 1898 г. и «мусульманский вопрос» в Туркестане», 186–7.

² Norihiro Naganawa, 'Maktab or School? Introduction of Universal Primary Education among the Volga-Ural Muslims', in Uyama (ed.), *Empire, Islam, and Politics in Central Eurasia*, 73.

российского владычества некоторые туркестанские казахи оказались хорошо знакомы с механизмами российского колониального правления, его навязчивыми идеями и предубеждениями.¹ По иронии судьбы идеалистическая мечта Лыкошина о большем сближении между русским и туземным обществами отчасти реализовалась в этом отношении, хотя совсем не таким образом и не на таких условиях, которые он имел в виду. По его представлениям, более развитая русская культура должна была открыть «закрытое» среднеазиатское общество для русского взгляда, а вместо этого «туземцы» постепенно начинали лучше понимать русских.

Все эти выводы весьма спекулятивны, учитывая то, что рассмотренные материалы дают нам лишь серию зарисовок из жизни казахов и переселенцев и представляют собой результат расследования и, отчасти, откровенной и намеренной мистификации. Но мы ступаем на более твердую почву, когда задумываемся о том, что эти материалы и, в более общем плане, русская реакция на Андижанское восстание могут сообщить нам об «официальном мировоззрении» русских администраторов в Туркестане, их взглядах на ислам, а также об их собственных целях и цивилизаторской миссии в регионе. Отсюда становится ясно, как исламофобия могла ослепить чиновников и оправить их на поиски ветра в поле, стоившие огромного количества времени и ресурсов. В конце концов, даже такой выдающийся и относительно либеральный офицер, как Лыкошин, имевший друзей среди мусульманской элиты, прекрасно владевший местными наречиями и, не в последнюю очередь, проявивший проницательность и здравомыслие при распутывании клубка мнимого заговора, на который у его коллег ушли месяцы, оказался не лишен обычных русских, или, в более широком смысле, колониальных предубеждений в отношении отсталости и «фанатизма» местного населения. Его стойкое убеждение в том, что именно ислам стал основным препятствием для ассимиляции и наибольшей угрозой стабильности российского правления, помешало ему, как и практически всем остальным служащим царской администрации, разглядеть более глубокие причины для недовольства колонизированного туркестанского населения, связанные с землевладением, водой и русскими поселениями, которые всплыли на поверхность в момент объявления указа о воинской повинности в 1916 году. А когда в том же году в Туркестане вспыхнул действительно серьезный мятеж, то это не была религиозная война. *

Перевод
с английского
Ольги Берард

¹ Я благодарю Паоло Сартори за рекомендацию заострить внимание на этом наблюдении. Подробнее эта идея рассматривается в Jürgen Paul, 'Review Essay: Recent Monographs on the Social History of Central Asia', *Central Asian Survey*, xxix (2010).

ПРИМЕЧАНИЯ:

На стр. 46:

⁷ Помимо вышеупомянутых публикаций, см. Aftandil S. Erkinov, *The Andijan Uprising of 1898 and its Leader Dukchi-Ishan Described by Contemporary Poets* (Tokyo, 2009); Афтандил Эркинов, «Андижанское восстание, его предводители в оценках поэтов эпохи», *Вестник Евразии*, no. 1 (2003); Бахтияр Бабаджанов, «Андижанское восстание 1898 года и «мусульманский вопрос» в Туркестане (взгляды «колонизаторов» и «колонизированных»)», *Ab Imperio*, no. 2 (2009); Bakhtiyar Babadzhanov, 'Dukchi Ishan und der Aufstand von Andijan 1898', in Anke von Kügelgen, Michael Kemper and Allen J. Frank (eds.), *Muslim Culture in Russia and Central Asia from the 18th to the Early 20th Centuries*, ii, *Inter-Regional and Inter-Ethnic Relations* (Berlin, 1998); Бахтияр Бабаджанов, «Дукчи Ишан и Андижанское восстание 1898 года», в С. Н. Абашин и В. Н. Бобровников (ред.), *Подвижники Ислама: культ святых и суфизм в Средней Азии и на Кавказе* (Москва, 2003). Полный список более ранних публикаций, касающихся восстания, см. в *Bibliography of Islamic Central Asia*, сост. и ред. Yuri Bregel, 3 vols. (Bloomington, 1995), i, 620–1.

⁸ «Беспорядки в Фергане», *Туркестанские ведомости*, no. 37, 21 мая 1898; В. П. Сальков, «Андижанское восстание» в 1898 г. (Казань, 1901), 64. Бахтияр Бабаджанов сообщил мне, что позднее официально были признаны погибшими 6 солдат и ранеными 22.

⁹ Точнее, хваджа: этот более-менее синоним термина «саид» (т.е. потомок Пророка). Однако, авторитет и влияние хожей в значительной степени были связаны с их принадлежностью к местным суфийским родам в рамках трех основных среднеазиатских братств: Накибандийа, Ясавийа и Кубравийа. См. А. А. Хисматулин, 'Хваджаган' в С. М. Прозоров (ред.), *Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь*, i (Москва, 2006), 417–25; Devin DeWeese, 'The Masha'ikh-i Turk and the Khojagan: Rethinking the Links between the Yasavi and Naqshbandi Sufi Traditions', *Journal of Islamic Studies*, vii (1996).

¹⁰ Сергей Абашин, «Ишан», в Прозоров (ред.), *Ислам на территории бывшей Российской Империи*, i, 164–6.

На стр. 61:

³ Эта «реформа», предусмотренная Положением об управлении Туркестанским краем 1886 г., вызвала, пожалуй, больше сопротивления, чем любое другое вмешательство русских в дела местных судей: Лыкошин писал, что сам он смог заставить ташкентских казиев перейти на использование новых, стальных государственных печатей, только разрубив их старые серебряные печати топором. Н. Лыкошин, «Казии (Народный Судьи): бытовая очерк оседлого населения Туркестана», в *Русский Туркестан*, сб., i (Ташкент, 1899), 34, перепечатано в его воспоминаниях «Полжизни в Туркестане»: очерки быта туземного населения (Петроград, 1916), 70–1; см. также Adeb Khalid, *The Politics of Muslim Cultural Reform: Jadidism in Central Asia* (Berkeley, 1998), 69–70. Однако и до 1886 казии использовали печати, выпущенные российскими властями, которые теоретически должны были обновляться при каждом избрании, хотя многие продолжали одновременно использовать и старые печати: Paolo Sartori, 'Judicial Elections as a Colonial Reform: The Qadis and Biys in Tashkent, 1868–1883', *Cahiers du monde russe*, xlix (2008).

⁴ «Протокол осмотра», 8 июля 1899: ЦГАРКаз, ф. 124, оп. 1, д. 7, л. 68об–69; «Протокол № 6», 8 июля 1899: там же, л. 70–1.

⁵ Здесь, по крайней мере, Батырбеков не соврал: в 1882 г. он был представлен к золотой медали за «выдающиеся заслуги» исполняющим обязанности генерал-губернатора Г. А. Колпаковским, и получил ее с подтверждением высочайшего на то соизволения (12 июля 1882 г.). Его формулярный список, сохранившийся в архиве, не содержит никаких преступлений или нарушений: Российский государственный военно-исторический архив, ф. 400, оп. 1, д. 779, «О пожаловании волостного управителя Чимкентского уезда Карабулакской волости Исы Батырбекова золотой медалью за уездную службу» л. 2–2об, 9–9об.

⁶ Жалоба Лыкошину от Исы Батырбекова, 4 авг. 1899: ЦГАРКаз, ф. 124, оп. 1, д. 7, л. 91–94об.

На стр. 67:

⁴ Сальков, «Андижанское восстание», 32, 54; на титульном листе экземпляра книги, хранящегося в Бодлианской библиотеке, (рядом с автографом, указывающим, что эта книга была подарена автором генералу Сахарову, начальнику Генштаба) находится отметка о том, что ученый комитет Министерства национального просвещения распорядился поместить экземпляры этой книги в учительские библиотеки, низших училищ и в бесплатные народные читальный и библиотеки. См. также Н. Ситняковский, «Минтюбинский ишан Мухаммед-Али» (*Туркестанские ведомости*, № .2, 6 янв. 1899 г.; № .16, 25 фев. 1899 г.) — источник самых мрачных историй об ишане, который повторяет Сальников.

⁵ См., в частности, Е. Т. Смирнов, «Дервишизм в Туркестане» и «Джихад и Газават», в *Сборнике материалов по мусульманству*, ред. В. И. Яровой-Рабский (Санкт-Петербург, 1899), 49–71, 101–28. Тон и содержание этой публикации подверг резкой критике востоковед В. В. Бартольд: Komatsu, 'Andijan Uprising Reconsidered', 49–50.

На стр. 68:

⁵ С. Н. Абашин, «В. П. Наливкин: «будет то, что неизбежно должно быть; и то, что неизбежно должно быть, уже не может не быть». Кризис ориентализма в Российской Империи?», в Ю. П. Родионов и А. В. Якуб (ред.), *Азиатская Россия: люди и структуры Империи* (Омск, 2005); несомненно, Наливкин—автор официального доклада 1899 г., адресованного генерал-губернатору Духовскому, под названием «Записка о возможных соответствиях между последним событием в Китае и усилением панисламистского движения» (текст воспроизведен в сборнике «Императорская Россия и мусульманский мир», ред. Арапов, 181–90), и редактор второго тома «Сборника материалов по мусульманству», изданном в 1900 г., разительно отличался от Наливкина—автора полемического текста «Туземцы, раньше и теперь» (Ташкент, 1913 г.) и главы Туркестанского комитета Временного правительства, образованного после Февральской революции. Тем не менее, даже в поздних трудах (с. 75) он все-таки ссылается на влияние панисламизма на население Туркестана.

На стр. 72:

⁵ Хотя, как отмечает Томохико Уяма, некоторые казахские лидеры действительно описывали восстание 1916 г. как газават, в других случаях муллы использовали шариат как аргумент против восстания: см. Tomohiko Uyama, 'Two Attempts at Building a Qazaq State: The Revolt of 1916 and the Alash Movement', in Stéphane A. Dudoignon and Hisao Komatsu (eds.), *Islam in Politics in Russia and Central Asia (Early Eighteenth to Late Twentieth Centuries)* (London, 2001), 85–6. Хаппел категорически утверждает, что восстание 1916 г. не было религиозно мотивированным: Happle, *Nomadische Lebenswelten*, 166–7.

На стр. 73:

⁷ Б. В. Лунин, «Нил Сергеевич Лыкошин», в его *Историографии общественных наук в Узбекистане: био-библиографические очерки* (Ташкент, 1974), 216. Ходили слухи, что он незаконно спекулировал сахаром, но Оксана Пуговкина в разговоре со мной предположила, что он просто пытался затормозить рост цен в Самарканде в военное время, когда дефицит продуктов питания вызвал стремительную инфляцию: обвинение это выдвинул депутат Ташкентской думы от социал-демократов, Черновицкий, когда выступал с речью против кандидатуры Лыкошина на пост мэра: «Городская Дума», *Туркестанские ведомости*, № 122, 20 авг. 1917 г.

⁸ «Жизнеописание», 8 фев. 1919 г.: ЦГАРУз, ф. Р-2499, оп. 1, д. 4, 1.2.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Анон. 1898. «Беспорядки в Фергане», *Туркестанские ведомости* 37, 21 мая
- Анон. 1917. «Городская Дума» *Туркестанские ведомости* 122, 20 авг.
- Анон. 1917. «Городская Дума», *Туркестанский курьер*, 186, 20 авг.
- Авашин, С. Н. 2005. «В.П. Наливкин: «будет то, что неизбежно должно быть; и то, что неизбежно должно быть, уже не может не быть». Кризис ориентализма в Российской Империи?», в *Азиатская Россия: люди и структуры Империи* ред. Ю. П. Родионов и А. В. Якуб сс.47–101. Омск: Тип. Омского Государственного Университета
- Авашин, Сергей. 2006. «Ишан», в *Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь* ред. С. М. Прозоров і сс.164–6. Москва: Восточная Литература
- Арапов, Д. Ю. (ред.). 2006. *Императорская Россия и мусульманский мир* Москва: Наталис
- Бабаджанов Бахтияр. 2003. «Дукчи Ишан и Андиганское восстание 1898 года» в *Подвижники Ислама: культ святых и суфизм в Средней Азии и на Кавказе* ред. С. Н. Авашин и В. Н. Бобровников. pp.251–277. Москва: Восточная Литература
- Бабаджанов, Бахтияр. 2009. «Андиганское восстание 1898 года и «мусульманский вопрос» в Туркестане (взгляды «колонизаторов» и «колонизированных»)» *Ab Imperio* 2: 155–200
- Басханов, М. К. 2005. *Русские военные востоковеды до 1917 г.: биобиблиографический словарь* (Москва: Наука
- Бейсембиев, Т. К. 2004. «Высшая администрация Ташкента и юга Казахстана в период Кокандского Ханства: 1809–1865 гг.» *Историко-культурные взаимосвязи Ирана и Дашт-и Кипчака в XIII–XVIII вв.* ред. М. К. Абусейтова и С. Абдулло сс.291–313. Алматы: Дайк-Пресс
- Буттино, Марко. 2008. *Революция наоборот: Средняя Азия между падением царской империи и образованием СССР* Москва: Звенья
- Диксон, Элеонора. 1916. «Полжизни в Туркестане», *Туркестанский курьер*, 63, 19 марта
- Довромыслов, А. И. 1912. *Города Сыр-Дарьинской области: Казалинск, Перовск, Туркестан, Аулие-Ата и Чимкент* Ташкент: Тип-Лит О. А. Порцева
- Галузо, П. Г. 1926. *Вооружение русских переселенцев в Средней Азии* Ташкент: Изд. САГУ
- Галузо, П. Г. 1929. *Туркестан—Колония: очерк истории Туркестана от завоевания русскими до революции 1917* Москва: Изд. Коммунистического ун-та трудящихся Востока
- Галузо, П. Г. 1929. «Восстание 1916 г. в Средней Азии» *Красный Архив* 3 (29): 39–94
- Гафуров, Бободжан. 1953. «Андиганское «восстание» 1898 года» *Вопросы истории* 2: 50–61
- Гейер, И. 1893. *По русским селениям Сырдарьинской области (письма с дороги)* Т. I Чимкентский уезд Ташкент: Тип-литография бр. Каменских
- Лыкошин, Н. С. 1894. «Письма из туземного Ташкента» *Туркестанские ведомости* 10–12, 12–15 фев.
- Лыкошин, Н. С. 1896. *Мурадбек и Фатима (хивинское предание)* Ташкент: Тип-литография бр. Каменских
- Лыкошин, Н. С. (пер.) & Бартольд, В. В. (ред.). 1897. *История Бухары Мухамеда Наршахи* Ташкент: Тип-литография бр. Каменских

- Лыкошин, Н. С. 1899. «Казии (Народный Судьи): бытовой очерк оседлого населения Туркестана», в Русский Туркестан. Сборник. i сс.3–57. Ташкент: Тип. «Русский Туркестан»
- Лыкошин, Н. С. 1899. «Догадка о прошлом Отара», Туркестанские ведомости 94, 2 дек.
- Лыкошин, Н. С. 1899. «Библиографическая заметка» Туркестанские ведомости 50, 1 июля
- Лыкошин, Н. С. 1900. «Адаб-уль-Салихин: кодекс приличий на востоке», пер. Н. С. Лыкошина, в Сборнике материалов по мусульманству, ii, ред. В. П. Наливкин. Ташкент: Тип. Братья Перцевых
- Лыкошин, Н. С. 1901. «Премудрость Хазрат Султана Афирин-Ходжа Ахмада Ясави» Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области ix, 2 Ташкент: Типо-литография В. М. Ильина
- Лыкошин, Н. С. 1903. Результаты сближения русских с туземцами Ташкент
- Лыкошин, Н. С. 1905. Чапулукская волость Ходжентского уезда Самаркандской области Самарканд: Тип-Лит «Труд»
- Лыкошин, Н. С. 1905. «О знании туземных наречий», в Сборник материалов по вопросу об изучении туземных языков служащими по военно-народному управлению Туркестанского края ред. И. Д. Ягелло сс.92–97 Ташкент: Изд. Тип. при Канц Турк. Генерал Губернатора
- Лыкошин, Н. С. 1908. О гадании у среднеазиатских туземцев Самарканд
- Лыкошин, Н. С. 1908. «К десятилетию Андижанской резни (1898–1908 г.)» Туркестанские ведомости, 115, 30 мая & 116, 31 мая.
- Лыкошин, Н. С. 1911. Дивана-и-Машраб: жизнеописание популярнейшего представителя мистицизма в Туркестанском крае Самарканд: Изд. Самаркандского Областного Статистического Комитета
- Лыкошин, Н. С. 1915. «Хороший тон» на востоке Петроград: Склад у В. А. Березовского
- Лыкошин, Н. С. 1916. «Полжизни в Туркестане»: очерки быта туземного населения Петроград: Склад Т-ва «В. А. Березовский»
- Лыкошин, Н. С. 1917. «Граждане туземцы!» Туркестанский курьер, 63, 19 марта
- Лыкошин, НИЛ. 1917. «Гражданин Редактор!» Туркестанский курьер, 188, 28 авг.
- Лунин, Б. В. 1974. Историографии общественных наук в Узбекистане: библиографические очерки Ташкент: ФАН
- «Миршаб» (Лыкошин) 1890–г. «Война с неверными и воинствующий татарский листок», Окраина, 232 (1890); 9, 42 (1891).
- Наливкин, В. П. 1913. Туземцы, раньше и теперь Ташкент: Тип. С. И. Лахтина
- Остроумов, Н. П. 1899. Константин Петрович фон-Кауфман: устроитель Туркестанского края. Личные воспоминания 1887–1881 гг. Ташкент: Типо-литография бр. Каменских
- Пален, Граф К. К. 1910–II. Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по Высочайшему повелению... 21 т. Санкт-Петербург: Сенатская Тип.
- Сальков В. П. 1901 «Андижанское восстание» в 1898 г. Казань: Тип. Импер. Университета
- Сами, Мирза Абдал азим. 1962. Та'рих-и Салатин-и Мангитийа: История мангытских государей, правивших в столице, благородной Бухаре, ред. и пер. Л. М. Епифановой, Москва: Изд. Восточной Литературы
- Ситняковский, Н. 1899. «Минтюбинский ишан Мухаммед-Али» Туркестанские ведомости 2, 6 янв & 16, 25 фев.

- Смирнов, Е. Т. 1899. «Дервишизм в Туркестане»; «Джихад и Газават», в Сборнике материалов по мусульманству, i, ред. В. И. Яровой-Рабский сс.49–71, 101–28. Санкт-Петербург: Паровая типолитография М. Розеноер
- Термен, А. И. 1914. Воспоминания администратора: опыт исследования принципов управления инородцев Петроград: Тип. Л. Сапер
- «Т-ов» 1908. «Андижанское восстание и его причины» Исторический Вестник 5: 659–670.
- Туркестанский кружок любителей археологии. 1897. «Вакуфная грамота Тамерлана (в извлечении), данная мечети Хазрята Ясави», 29 авг. 1897 г., Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии, ii: 1–4.
- Шестаков, А. (ред.). 1933 «Джизакское восстание в 1916 г.» Красный Архив, 5 (60): 60–91
- Штейнберг, Е. 1938. (ред.) «Андижанское восстание 1898 г.» Красный архив 3 (88): 152–181.
- Фон-Кауфман, Константин Петрович. 1885. Проект всеподданнейшего отчета Ген.—Адъютанта фон-Кауфмана по гражданскому управлению Санкт-Петербург: Военная Тип.
- Фон-Кюгельген, Анке (ред.) & Бабаджанов, Бахтияр (пер.). 2004. Манакиб-и Дукчи Ишан: Аноним жития Дукчи Ишана—предводителя Андижанского восстания 1898 года Алматы: Дайк-Пресс
- Хисматуллин, А. А. 2006. 'Хваджаган' в Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь ред. С. М. Прозоров i сс.417–25 Москва: Восточная Литература
- Эркинов, Афтандил. 2003. «Андижанское восстание, его предводители в оценках поэтов эпохи», Вестник Евразии, I (2003): 111–137.
- Arnold, David. 1982. 'Rebellious Hillmen: The Gudem-Rampa Risings, 839–1924' in Subaltern Studies I: Writings on South Asian History and Society ed. Ranajit Guha, pp.88–142. Delhi: Oxford University Press
- BAVADZHANOV, Bakhtiyar. 1998. 'Dukchi Ishan und der Aufstand von Andijan 1898' in Muslim Culture in Russia and Central Asia from the 18th to the Early 20th Centuries, ii, Inter-Regional and Inter-Ethnic Relations ed. Anke von Kügelgen, Michael Kemper and Allen J. Frank pp.167–191. Berlin: Klaus Schwarz Verlag
- BAVADZHANOV, Bakhtiyar. 2004. 'Russian Colonial Power in Central Asia as Seen by Local Muslim Intellectuals', in Looking at the Coloniser: Cross-Cultural Perceptions in Central Asia and the Caucasus, Bengal, and Related Areas ed. Beate Eschment and Hans Harder, pp.75–90. Würzburg: Ergon Verlag
- BARTHOLO, V. V. 1934. 'Sart', Ency. of Islam, iv, S–Z, pp.175–6. Leiden & London: Brill
- BAYLY, C. A. 1996. Empire and Information: Intelligence-Gathering and Social Communication in India, 1780–1870 Cambridge: Cambridge University Press
- BEISEMBIEV, Timur K. (ed. & trans.) 2003. The Life of 'Alimqul: A Native Chronicle of Nineteenth-Century Central Asia London: Routledgecurzon
- BREGEL, Yuri (ed.) 1995. Bibliography of Islamic Central Asia Bloomington: Indiana University Press 3 Vols.
- BROWER, Daniel. 2003. Turkestan and the Fate of the Russian Empire London: Routledgecurzon
- CAMPBELL, Elena. 2007. 'The Muslim Question in Late Imperial Russia' in Russian Empire: Space, People, Power, 1700–1930 ed. Jane Burbank, Mark von Hagen and Anatoly Remnev pp.32–347. Bloomington: Indiana University Press
- CHOUDHURY, D. K. LAHIRI. 2004. 'Sinews of Panic and the Nerves of Empire: The Imagined State's Entanglement with Information Panic. India, c.1880–1912' Modern Asian Studies 38: 965–1002

- CREWS, Robert D. 2006. *For Prophet and Tsar: Islam and Empire in Russia and Central Asia* Cambridge, MA: Harvard University Press
- DERINGIL, Selim. 1999. *The Well-Protected Domains: Ideology and the Legitimation of Power in the Ottoman Empire, 1876–1909* London: I. B. Tauris.
- DEWEESE, Devin. 1996. 'The Masha'ikh-i Turk and the Khojagan: Rethinking the Links between the Yasavi and Naqshbandi Sufi Traditions' *Journal of Islamic Studies* 7: 180–207.
- DEWEESE, Devin. 1999. 'The Politics of Sacred Lineages in 19th-Century Central Asia: Descent Groups Linked to Khwaja Ahmad Yasavi in Shrine Documents and Genealogical Charters' *International Journal of Middle-East Studies*, 31: 507–530
- DEWEESE, Devin. 2000. 'Sacred History for a Central Asian Town: Saints, Shrines, and Legends of Origin in Histories of Sayram, 18th–19th Centuries' *Revue des mondes musulmans et de la Méditerranée* 89–90: 245–295 <http://remmm.revues.org/283>
- ERKINOV, Aftandil. 2009. *The Andijan Uprising of 1898 and its Leader Dukchi-Ishan Described by Contemporary Poets* Tokyo: TIAS
- FAZILBEK Atabek Oghli. 1927. *Dukchi Ishan Vaqeasi (Farghanada istibdad jalladlari)* Samarkand and Tashkent: Uzbekiston Davlat Nashriyati
- GILMOUR, David. 2005. *The Ruling Caste: Imperial Lives in the Victorian Raj* London: John Murray
- HAPPEL, Jörn. 2010. *Nomadische Lebenswelten und zarische Politik: der Aufstand in Zentralasien, 1916* Stuttgart: Franz Steiner Verlag
- KHALID, Adeeb. 1998. *The Politics of Muslim Cultural Reform: Jadidism in Central Asia* Berkeley: University of California Press
- KNYSH, Alexander. 2002. 'Sufism as an Explanatory Paradigm: The Issue of the Motivations of Sufi Movements in Russian and Western Historiography' *Die Welt des Islams* 42: 139–173.
- KOMATSU, Hisao. 2004. 'The Andijan Uprising Reconsidered' *Symbiosis and Conflict in Muslim Societies: Historical and Comparative Aspects* edited by Sato Tsugitaka pp.29–61. London: Routledge
- KOMATSU, Hisao. 2007. 'Dar al-Islam under Russian Rule as Understood by Turkestani Muslim Intellectuals', in *Empire, Islam, and Politics in Central Eurasia* ed. Tomohiko Uyama pp.3–21. Sapporo: Slavic Research Centre
- LADURIE, Emmanuel Leroy. 1978. *Montaillou: Cathars and Catholics in a French Village, 1294–1324* trans. Barbara Bray London: The Scolar Press
- LEVI, Scott C. 2007. 'The Ferghana Valley at the Crossroads of World History: The Rise of Khoqand, 1709–1822' *Journal of Global History* 2: 213–232.
- GINZBURG, Carlo. 1980. *The Cheese and the Worms: The Cosmos of a Sixteenth-Century Miller* trans. John and Anne Tedeschi Baltimore: Johns Hopkins University Press
- MANZ, Beatrice Forbes. 1987. 'Central Asian Uprisings in the Nineteenth Century: Ferghana under the Russians' *Russian Review* 46: 267–281.
- MORRISON, A. S. 2008. *Russian Rule in Samarkand, 1868–1910: A Comparison with British India* Oxford: Oxford University Press
- MORRISON, Alexander. 2009. '“Applied Orientalism” in British India and Tsarist Turkestan', *Comparative Studies in Society and History* 51: 619–647
- MORRISON, Alexander. 2012. *Sufism, Panislamism, and Information Panic. Nil Sergeevich Lykoshin and the aftermath of the Andijan Uprising. Past & Present* 214: 255–304.
- NAGANAWA, Norihiro. 2007. 'Maktab or School? Introduction of Universal Primary Education among the Volga-Ural Muslims' in *Empire, Islam, and Politics in Central Eurasia* ed. Tomohiko Uyama pp.65–97. Sapporo: Slavic Research Centre

- PAHLEN, Konstantin Konstantinovich. 1964. *Mission to Turkestan: Being the Memoirs of Count K. K. Pahlen, 1908–1909* ed. Richard A. Pierce, trans. N. J. Couriss New York: Oxford University Press
- PAUL, Jürgen. 2010. 'Review Essay: Recent Monographs on the Social History of Central Asia' *Central Asian Survey* 29: 119–130.
- PIERCE, Richard A. 1960. *Russian Central Asia, 1867–1917: A Study in Colonial Rule* Berkeley: University of California Press
- SAHADEO, Jeff. 2007. *Russian Colonial Society in Tashkent, 1865–1923* Bloomington: Indiana University Press
- SARTORI, Paolo. 2008. 'Judicial Elections as a Colonial Reform: The Qadis and Biys in Tashkent, 1868–1883', *Cahiers du monde russe*, 49: 79–100
- STOLER, Ann Laura. 1992. '“In Cold Blood”: Hierarchies of Credibility and the Politics of Colonial Narratives' *Representations* 37: 151–189.
- TILLET, Lowell. 1969. *The Great Friendship: Soviet Historians on the Non-Russian Nationalities* Chapel Hill: University of North Carolina Press.
- UYAMA, Tomohiko. 2001. 'Two Attempts at Building a Qazaq State: The Revolt of 1916 and the Alash Movement', in *Islam in Politics in Russia and Central Asia (Early Eighteenth to Late Twentieth Centuries)* ed. Stéphane A. Dudoignon & Hisao Komatsu, pp.77–98. London: Routledge & Kegan Paul
- WAGNER, Kim A. 2007. *Thuggee: Banditry and the British in Early Nineteenth-Century India* Basingstoke: Palgrave Macmillan

TARTARIA MAGNA

ANNUAL OF TURCOLOGICAL, MONGOLIC, MANCHURIAN, UIGURIC, RUSSICA ET ALIA

УВАЖАЕМЫЙ
ЧИТАТЕЛЬ!

Статьи этого номера начинают тематический цикл «Гуманитарная картография». Мы приглашаем авторов, чьи исследования связаны с проблемами воображения и изображения пространства и территории, исследователей, работающих на стыке гуманитарных наук и географии, к сотрудничеству с редакцией журнала *Tartaria Magna*.

ОЗНАКОМИТЬСЯ С НАШИМ
ЖУРНАЛОМ И ОСТАВИТЬ КОММЕНТАРИИ
ВЫ МОЖЕТЕ НА НАШЕМ САЙТЕ

WWW.TARTARIA-MAGNA.RU

Суфизм,
панисламизм
и информационная
паника

TARTARIA MAGNA

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ

2 / 2013

ГУМАНИТАРНАЯ КАРТОГРАФИЯ
A HUMAN MAPPING

ТЕМА ВЫПУСКА

КАРТЫ В ДЕЙСТВИИ. ОБРАЗЫ ПРОСТРАНСТВА
И ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

THEME OF THE ISSUE

MAPS IN ACTION. IMAGES OF SPACE
AND GEOGRAPHIC REALITY

Выпускающий редактор

Н. В. ЦЫРЕМПИЛОВ

Технический редактор

П. К. ВАРНАВСКИЙ

Оформление номера

Д. О. ГАРМАЕВ

Адрес редакции:

670047 Российская Федерация
Республика Бурятия, Улан-Удэ
ул. Сахьяновой 6 / имбт со ран
+7 (3012) 57 33 93
tartarmagna@gmail.com

Подписано в печать 28.12.2013

Формат 60x90/16

Гарнитура Charter

Полная электронная версия
журнала доступна на сайте
WWW.TARTARIA-MAGNA.RU

ISSN 2224-9559

TARTARIA MAGNA

WWW.TARTARIA-MAGNA.RU

